Ф. Лашков.

Шагин-Гирей
последний
крымский
хан.

Г 17
86

Г 17
86

ШАГИНЪ-ГИРЕЙ,

ПОСЛѢДНІЙ КРЫМСКІЙ ХАНЪ.

(Историческій очеркъ).

Ѳ. Лашкова.

КІЕВЪ.
Типографія А. Давиденко, арендъ. Л. Штамомъ, Мало-Житом. ул., д. № 4-й.
1886.

2007110144

ШАГИНЪ-ГИРЕЙ, ПОСЛѢДНІЙ КРЫМСКІЙ ХАНЪ.

(Историческій очеркъ).

I.

Въ XVIII в. крымское ханство очутилось лицемъ къ лицу съ могущественной Россіей, стремившейся осуществить свою историческую задачу—завладѣть южнымъ моремъ и прилегающими къ нему плодоносными черноземными степями и тѣмъ уничтожить послѣдній оплотъ мусульманства, упорно державшійся на классической почвѣ той Тавриды, откуда нѣкогда распространился свѣтъ христіанства на древнюю Русь. Ханство, лишенное въ самой своей основѣ элементовъ организаціи, которая обезпечивала-бы ему прочное существованіе, и постоянно раздираемое внутренними неурядицами [1]), падало предъ надвигающимся на югъ сильнымъ сосѣдомъ. Походы Миниха и Ласси были однимъ изъ такихъ ударовъ, послѣ которыхъ ханство оправилось, только благодаря усиліямъ единовѣрной Турціи, и то на время, чтобы дожить до новаго удара, болѣе разрушительнаго. Турецкая война 1768—1774 года и послѣдовавшій въ 1771 г. походъ Долгорукова въ Крымъ были новымъ ударомъ, послѣ котораго Крымъ не могъ уже подняться. Послѣдующее время было для него не болѣе, какъ предсмертной агоніей, долженствующей закончить его историческую жизнь.

Послѣдніе дни политической жизни ханства связаны съ жизнью и дѣятельностью одной изъ интересныхъ личностей, занимавшихъ когда либо ханскій престолъ, съ личностью Шагинъ-Гирея. Инте-

---

[1]) Исторія царства Херс. Тавр. Богуша, т. II, стр. 351—373.

ресъ, возбуждаемый имъ, заключается какъ въ его дѣятельности, весьма поучительной съ точки зрѣнія тогдашняго состоянія ханства, такъ и въ его не лишенной драматизма судьбѣ. Не мало султановъ (членовъ фамиліи Гиреевъ) толпилось при дворѣ крымскаго хана предъ началомъ турецкой войны; но изъ среды всѣхъ выдѣлялся сынъ Мехмедъ-Гирей хана, Шагинъ-Гирей. Родившись въ Адріанополѣ, сборномъ пунктѣ проживавшихъ въ Румеліи Гиреевъ и имѣвшихъ тамъ свои родовыя владѣнія, Шагинъ рано лишился отца [1]). Первоначальное образованіе, даваемое заурядно всѣмъ молодымъ султанамъ, показало въ молодомъ Шагинѣ самый воспріимчивый умъ, сообразительность и развило въ любознательномъ отъ природы мальчикѣ интересъ къ образованію. Превратности, зачастую испытываемыя Гиреями, заставили мать его найти себѣ пріютъ въ Θессаликахъ [2]). Здѣсь юноша нашелъ возможность удовлетворить своей любознательности. Случай помогъ ему попасть отсюда въ Италію. Проживая въ Венеціи, Шагинъ изучилъ италіанскій языкъ, а помощію его познакомился съ западно-европейскою образованностію, чему помогло также знаніе греческаго языка. Шагинъ принялъ видъ европейца. Дядя его, извѣстный Керимъ-Гирей Шагинъ, на котораго онъ походилъ своими способностями, полюбилъ племянника и вызвалъ въ Крымъ, гдѣ опредѣлилъ его сераскиромъ въ ногайскую орду, состоявшую изъ кочевыхъ ордъ буджаковъ, едисанцевъ, едичкуловъ и джамбулуковъ, растянувшихся своими кочевьями на всемъ протяженіи южныхъ степей отъ рукавовъ Дуная до Кубани. Ставши начальникомъ едисанцевъ, жившихъ въ очаковской области къ западу отъ Днѣстра до Днѣпра, 20-ти лѣтній сераскиръ скоро пріобрѣлъ вѣсъ, благодаря своему умѣнію и энергіи. Но не долго онъ управлялъ. Начавшаяся война Россіи съ Турціей, заставившая ногайцевъ двинуться на разореніе Украйны и затѣмъ принять участіе въ войнѣ, послѣдовавшая смерть Керима и возведеніе на крымскій престолъ новаго хана, назначеннаго изъ Константинополя, заставляютъ Шагина исчезнуть на время со сцены. Мы его видимъ уже въ Бахчисараѣ въ ряду другихъ кормившихся при дворѣ султановъ—чутко прислушивающимся къ вѣстямъ приходившимъ съ Дуная.

---

[1]) „Дѣянія кн. Г. А. Потемкина", Рус. Арх., 1867 г., т. I, стр. 1210.

[2]) Ibid.

А вѣсти были не добрыя. Планъ Екатерины, составленный ею въ самомъ началѣ войны и переданный начальнику 2-й арміи Панину для исполненія—оторвать татаръ отъ Порты и, сдѣлавъ изъ нихъ независимое государство, «лишить тѣмъ Турцію правой руки» [2]), сталъ осуществляться. Побѣды Румянцева при Ларгѣ и Кагулѣ въ іюлѣ 1770 года, взятіе въ сентябрѣ Бендеръ Панинымъ сильно подѣйствовали на ногайцевъ. Чтобы получить доступъ на родныя степи, ногайскія орды едисанцевъ и буджаковъ отказызываются отъ турецкой зависимости, которая при теперешнихъ обстоятельствахъ могла быть для нихъ только вредна, и вступаютъ въ союзъ съ Россіей. Тогда кочевники, оставивъ Панину своихъ аманатовъ, были перепущены чрезъ Днѣстръ [2]). Послѣ этого Панинъ разослалъ своихъ агентовъ—запорожскихъ козаковъ и нѣкоторыхъ присланныхъ имъ мурзъ во всѣ ногайскія кочевья и въ Крымъ. Едичкулы и джамбулуки безъ труда склонились на убѣжденія панинскихъ агентовъ, въ силу тѣхъ-же соображеній, которыми руководствовались родичи ихъ едисанцы и буджаки, отказавшись отъ Турціи, отъ которой они не чаяли для себя пользы. Жившіе въ сѣверной части Крыма стали выходить отдѣльными аулами на соединеніе съ своими: вышли многіе едичкулы, потянулись къ едисанцамъ и джамбулуки, спѣшившіе увѣрить главу едисанцевъ Джанъ-Мамбета, усердно хлопотавшаго во имя союза съ Россіей, въ своемъ отступленіи отъ Порты [3]). Всѣ они собрались главнымъ станомъ на лѣвомъ берегу Днѣпра, куда были переведены и присягнувшіе уже Россіи едисанцы и буджаки. Пока на Днѣпрѣ кочевники толковали о новомъ своемъ положеніи и заняты были окончательнымъ улаженіемъ дѣла, панинскіе агенты вербовали приверженцевъ въ Крыму.

Опасность со стороны Россіи, слабость Турціи, отступленіе едисанцевъ и буджаковъ, выходъ едичкуловъ изъ Крыма, наконецъ панинскія обѣщанія—все это произвело расколъ въ Крыму. Одни изъ личныхъ выгодъ, другіе, въ виду безпомощнаго положенія отечества и опасности, грозившей со стороны Россіи, третьи, подчи-

---

[1]) Архивъ Госуд. Сов., т. I, стр. 7.

[2]) Ibid., 56 стр.

[3]) Ист. Рос. Солов., 28 т., 124 стр.

нявсь губительному дѣйствію примѣра, соглашались съ панинскими предложеніями. Началась «негоціація» съ крымцами, при которой въ качествѣ знатока крымскихъ дѣлъ состоялъ переводчикъ Якубъ-Ага [1]). Но негоціація шла вяло. Она показала, что происходившее въ Крыму, не болѣе, какъ одно шатаніе, которое не дастъ рѣшительныхъ результатовъ до того времени, пока крымцамъ не будетъ показана опасность огня и меча. Только этимъ можно было вынудить у крымцевъ то, на что кочевники соглашались легко и добровольно. Тогда рѣшились употребить сильную мѣру и по плану войны второй арміи назначено было идти въ Крымъ [2]). Начальствованіе надъ этой арміей было отнято у Панина и передано Долгорукову, а веденіе татарской негоціаціи поручено правителю слободской губерніи Щербинину, въ помощь которому былъ данъ Веселицкій [3]).

Но прежде чѣмъ идти въ Крымъ, главнокомандующій попробовалъ мирные переговоры, и съ этою цѣлью посылаетъ въ Бахчисарай Мавроени, брата вѣрнаго Джанъ-Мамбета, Мелису-мурзу и, въ качествѣ повѣреннаго отъ джамбулуковъ, Али-агу. Посланные явились съ рѣшительнымъ предложеніемъ отъ главнокомандующаго. Хана Селимъ-Гирея въ то время не было въ Крыму; онъ былъ на Дунаѣ и мѣсто его заступалъ паша (вице-ханъ, наслѣдникъ). Въ отвѣтъ на заявленное предложеніе, паша велѣлъ посадить пословъ подъ стражу и затѣмъ созвалъ совѣтъ вельможъ, на которомъ присутствовалъ, въ числѣ другихъ, и Шагинъ-Гирей. Совѣтъ началъ съ того, что рѣшилъ вѣшать такихъ людей, которые, подобно Мавроени, пріѣзжаютъ возмущать народъ, а своихъ, какъ Мелису-мурзу и Али-агу, сжечь живыми [4]). Въ эту рѣшительную минуту выступилъ Шагинъ.

Уже давно приближенные видѣли Шагина занятаго какой-то мыслью и имѣвшаго озабоченный видъ. Съ одной стороны онъ ясно сознавалъ дѣйствительное положеніе Крыма, которому Турція не могла оказать помощи и въ который готовы вступить русскіе, ясно пред-

---

[1]) Зап. Од. Общ. Ист. и Древ., т. XIII, 255 стр. Архивъ Госуд. Совѣта т. I, 67 стр.

[2]) Арх. Госуд. Сов., т. I, 67 стр.

[3]) Ibid.

[4]) Ист. Рос. Солов., 28 т., 221, 222 стр.

ставлялъ себѣ выходъ изъ подобнаго положенія и потому въ душѣ вполнѣ раздѣлялъ предложенія панинскихъ агентовъ, тѣмъ болѣе, что эти предложенія могли коснуться его, Гирея, самой выгодной стороной. Съ другой стороны важность дѣла и соединенныхъ съ нимъ послѣдствій, его неизвѣстность, желаніе дѣйствовать на вѣрняка—заставляли его выжидать болѣе удобной минуты. Она наступила: Мавроени объявляетъ рѣшительное предложеніе главнокомандующаго, а татарскіе послы окончательное рѣшеніе отпавшихъ собратій. Между тѣмъ калга и совѣтъ въ отвѣтъ на такія заявленія рѣшаютъ оборвать однимъ ударомъ всѣ свои отношенія къ Россіи и къ отложившимся татарамъ и выступить на путь совершенно имъ враждебный. И вотъ Шагинъ на предложеніе совѣта казнить пословъ заявляетъ, что отъ гибели Мавроени Россія не потерпитъ ущерба, но гибель его не принесетъ добра и Крыму [1]); послѣ этого милости отъ Россіи нечего будетъ ждать, заключилъ Шагинъ. Оказалось, что его поддержалъ глава духовныхъ казамеръ-эфендій и ихъ мнѣніе произвело свое дѣйствіе. Чрезъ нѣсколько дней Мавроени освобождаютъ и вмѣстѣ съ своими высылаютъ изъ Бахчисарая, въ Россію-же отправляютъ письмо совершенно неопредѣленное, такое, которымъ старались не досадить, вручивъ оное посланнымъ татарамъ.

Мавроени оставилъ Бахчисарай въ болѣе свѣтломъ настроеніи. Онъ везъ извѣстіе едисанцамъ о бывшемъ ихъ сераскирѣ, съ которымъ успѣлъ довольно познакомиться. Извѣстіе радостное: сераскиръ хвалилъ едисанцевъ и обѣщалъ имъ помощь, обѣщалъ пересылаться. Джанъ Мамбетъ не заставилъ себя ожидать, сталъ писать Шагину, Шагинъ ему и въ результатѣ этой переписки выяснились виды обоихъ лицъ. «Хочу писать къ нему, что-бы выѣхалъ къ намъ изъ Крыма, потому что съ его выѣздомъ между крымцами послѣдуетъ великая перемѣна: изъ всѣхъ Гиреевъ одинъ этотъ султанъ всѣмъ народомъ любимъ», говорилъ Джанъ Мамбетъ Веселицкому, прибывшему въ едисанскія кочевья у Конскихъ Водъ [2]). Пришло и другое извѣстіе. Къ Веселицкому явился Абдулъ-Керимъ эфенди, увѣрялъ въ вѣрности и твердости едисанцевъ и буджа-

---

[1]) Ibid.

[2]) Ibid. 223 стр.

ковъ и объявилъ, что все благонамѣренное общество очень желаетъ выбрать въ ханы Шагинъ-Гирея, если это императрицѣ будетъ угодно. 8-го апрѣля 1771-го года Щербининъ даетъ знать объ этомъ въ Петербургъ и спрашиваетъ, какъ поступить съ предложеніемъ, избрать ли, т. е., для отступившихъ отъ Порты ногайцевъ особаго хана, чтобы этимъ положить начало независимости татаръ. Но въ Петербургѣ интересовались не столько ногайцами, сколько Крымомъ и ожидали болѣе благодѣтельныхъ послѣдствій для татарской негоціаціи отъ подготовлявшагося въ Крымъ похода, чѣмъ отъ ногайскихъ предложеній. Вотъ почему 13 мая пришелъ отвѣтъ: поддерживать ногайцевъ и ихъ предложеніе, но ничего не предпринимать для его осуществленія [1]). Лучше всего заняться передвиженіемъ ордъ для того, что-бы очистить второй арміи дорогу въ Крымъ. Дѣйствительно сильная мѣра противъ Крыма была принята: 14 іюля армія во главѣ съ Долгоруковымъ была уже за Перекопомъ и побѣдоносно направлялась въ самый центръ ханства. Спустя двѣ недѣли съ небольшимъ всѣ крымскіе города находились въ рукахъ русскаго войска. Взятіемъ Керчи окончился походъ, прибывшая къ Кафѣ турецкая помощь была отбита, крымцы смирились и согласились отказаться отъ зависимости Турціи, согласились вступить въ союзъ съ Россіей. Во время этихъ переговоровъ ханъ Селимъ бѣжалъ въ Турцію и крымскій престолъ сталъ избирательнымъ. 27 іюля крымское собраніе въ Карасубазарѣ подписало присяжный листъ о союзѣ съ Россіей. Затѣмъ стали выбирать хана и такимъ выбрали Сагибъ-Гирея, брата Шагинъ-Гирея, который дѣятельно руководилъ переговорами собранія съ главно-командующимъ, самаго же Шагина избрали пашею [2]).

Такъ возникло новое независимое государство, союзное съ Россіей, татарская область. По новому плану Щербинину велѣно было и не думать объ отдѣленіи ногайцевъ; наоборотъ ногайцы, признавъ ханомъ Сагиба, должны были составить съ крымцами одно государство [3]).

---

[1]) „Объ отложеніи татаръ“, жур. гр. Панина въ Чт. Общ. Ист. и Древ. 1871 г., 4 кн., 48 стр.

[2]) Ibid., 66 стр.; Архивъ Госуд. Сов., т. I, 94—98 стр.

[3]) Ibid., 107 стр.

Теперь татарской области предстояло устроиться, надо было ей окончательно условиться съ союзникомъ, надо было засвидѣтельствовать ему свою дружбу и довѣріе, надо было уладить нѣкоторыя требованія, предъявленныя имъ.

Для засвидѣтельствованія дружбы и довѣрія былъ посланъ отъ имени татарской области калга Шагинъ-Гирей. Оставивъ крымцамъ самимъ условливаться и трактовать объ уступкѣ Россіи крѣпостей Керчи и Еникале, Шагинъ 25-го августа выѣхалъ въ Петербургъ, имѣя при себѣ присяжный листъ и грамоту объ избраніи Сагиба.— Калга прибылъ въ Петербургъ въ 20-хъ числахъ ноября. Ему отвели прекрасное помѣщеніе, окружили вниманіемъ. Вмѣсто 50 рублей, получаемыхъ имъ въ пути ежедневно на содержаніе, было назначено по прибытіи 100 рублей [1]). Съ первыхъ же дней пріѣзда крымскій наслѣдникъ обратилъ всеобщее вниманіе. Красивый, образованный татаринъ не чуждался общества и, очутившись въ центрѣ цивилизаціи, жилъ европейцемъ. Одно лишь самолюбіе Гирея привело его сначала къ нѣкоторымъ недоразумѣніямъ. Сознавая, какъ онъ самъ выразился, что въ его карманѣ и въ его силѣ заключается все, что касается татарскаго народа, онъ требовалъ, чтобы Панинъ первый сдѣлалъ ему визитъ. Изъ-за этого возникли столкновенія двора съ калгой. Сначала попробовали убѣдить его переговорами отстать отъ подобнаго требованія, какъ не идущаго къ нему, и чиновникъ иностранной коллегіи не мало истощилъ краснорѣчія въ разговорѣ по этому поводу съ Шагиномъ, но безуспѣшно. Тогда совѣтъ рѣшилъ послать пашѣ письменное объявленіе, въ которомъ отъ имени императорскаго двора было указано на упрямство его въ неисполненіи обязанностей по церемоніалу и обрядамъ, всегда и непремѣнно наблюдаемымъ при императорскомъ дворѣ; пашѣ напомнили, что «онъ является, какъ посолъ хана крымскаго, просить о подтвержденіи его въ томъ достоинствѣ, которое получилъ, хотя и по добровольному всего татарскаго общества избранію, однако пособіемъ ея величества» [2]). Шагинъ отсталъ отъ своего требованія относительно визита, но его «претительность» не окончилась этимъ. 22-го ноября Панинъ жаловался совѣту, что

---

[1]) Ibid., 126 стр., Ист. Росс. Солов., 28 т., 229 стр.

[2]) Ист. Росс. Солов., 28 т., 231 стр.

паша не соглашается снимать шапки на предстоящей аудіенціи, такъ какъ того не позволяетъ ему магометанскій законъ, въ случаѣ нарушенія котораго ему нельзя будетъ возвратиться въ отечество, не подвергаясь всеобщему порицанію, а можетъ быть и ругательству [1]). Послѣднему требованію пришлось уступить и, чтобы дать этому дѣлу благовидную окраску, совѣтъ рѣшилъ послать папѣ въ подарокъ шапку, по случаю освобожденія татарскихъ народовъ. По этой причинѣ, объявлялъ совѣтъ, императрица жалуетъ татарскому народу тотъ самый церемоніалъ, какой употребляется въ сношеніяхъ съ Портою и персидскимъ государствомъ, позволяя въ тоже время и всѣмъ вообще татарамъ отнынѣ являться вездѣ съ покрытыми головами [2]). Этимъ и окончились недоразумѣнія, послѣ чего Шагинъ сталъ готовиться къ аудіенціи. 28 ноября совѣтъ слушалъ рѣчь, которую паша долженъ былъ говорить на аудіенціи, слушалъ и отвѣтъ на нее [3]). Вслѣдъ за этимъ послѣдовала и аудіенція, на которой паша вручилъ привезенныя бумаги, произнесъ рѣчь и произвелъ самое выгодное впечатлѣніе.

Послѣ этого Шагинъ зажилъ обыкновенной жизнью въ столицѣ, привлекая къ себѣ все большую и большую симпатію. Живой, любознательный паша не сидѣлъ дома въ кругу своихъ татаръ, которые пріѣхали послами отъ ногайскихъ ордъ. Съ свойственнымъ ему интересомъ присматривался онъ ко всему; не упуская изъ вида политики и извѣстій изъ Крыма и съ береговъ Дуная, Шагинъ одинаково интересовался и всей окружающей обстановкой. Онъ то бываетъ на парадахъ, то осматриваетъ достопримѣчательности въ области науки, искусства и промышленности, не пропускаетъ ни одного спектакля въ театрѣ, по воскресеньямъ послѣ обѣда смотритъ, какъ танцуютъ воспитанницы въ Смольномъ монастырѣ [4]). Однимъ словомъ весь Петербургъ, обращавшій сначала вниманіе на пріѣзжаго мусульманина, мало по малу на столько привыкъ его постоянно видѣть, что появленіе его въ публичныхъ мѣстахъ считалось самымъ обыкновеннымъ дѣломъ. Любезность,

---

[1]) Арх. Госуд. Сов., т. I, 122 стр.
[2]) Ibid., 125 стр. Истор. Росс. Сол., 28 т., 231 стр.
[3]) Арх. Госуд. Совѣтъ, т. I, 127 стр.
[4]) Ист. Рос. Сол., 28 т., 348 стр.

привѣтливость, внѣшній лоскъ, развивавшіеся подъ вліяніемъ петербургской обстановки, пріобрѣли ему много поклонниковъ. Его находили интереснымъ. Въ письмѣ къ Вольтеру Екатерина писала: «у насъ здѣсь въ настоящее время паша султанъ, братъ независимаго хана крымскаго; это молодой человѣкъ 25-ти лѣтъ, умный и желающій себя образовать» [1]). Въ другомъ письмѣ императрица дѣлала такой отзывъ о немъ: «крымскій дофэнъ—самый любезный татаринъ: онъ хорошъ собою, уменъ, образованъ не по татарски; пишетъ стихи; хочетъ все видѣть и все знать; всѣ полюбили его» [2]).

Одинъ только Панинъ не совсѣмъ благосклонно смотрѣлъ на Шагина и огорчался тѣми тратами, которыя дѣлалъ татарскій дофинъ на свою европейскую жизнь. Тотчасъ по пріѣздѣ въ Петербургъ калга получилъ, кромѣ подарковъ: шубы, платья, богатаго серебрянаго сервиза и выдаваемаго суточнаго жалованья, еще пять тысячъ на расходы. Не на долго хватила выданная сумма. Панинъ долженъ былъ испросить новую сумму [3]). Выдали 10 т., которыя также скоро были израсходованы. Шагинъ нуждался въ деньгахъ и добывалъ ихъ на сторонѣ, закладывая драгоцѣнныя вещи, полученныя имъ въ подарокъ отъ императрицы. Такъ, по случаю аудіенціи въ Царскомъ Селѣ, ему были пожалованы перстень и табакерка. Эти вещи онъ заложилъ купцу Лазареву и Панину пришлось выкупить ихъ потомъ за 8,500 рублей [4]).

17 февраля 1772 года послы отъ четырехъ ногайскихъ ордъ были отпущены изъ Петербурга съ Высочайшими грамотами на имя каждаго изъ ногайскихъ народовъ [5]). Въ началѣ мая выѣхали и прибывшіе съ Шагиномъ крымскіе депутаты, которымъ вручили одну грамоту крымскому обществу, другую «возвѣстительную» хану [6]). Самъ Шагинъ остался въ Петербургѣ.

Какъ представитель татарской области, объявившей себя въ союзѣ съ Россіей, Шагинъ и не могъ выѣхать, ибо отношенія

---

[1]) Сбор. Рус. Ист. Общ., XIII т., 180 стр.
[2]) Ист. Рос. Сол., 28 т., 348 стр.
[3]) Ibid., 349 стр.
[4]) Сб. Рус. Ист. Общ., 28 т., 206 стр.
[5]) Чт. Общ. Ист. и Древ. 71 г., 4 кн., 76 стр.
[6]) Ibid, 198 и 109 стр.

между двумя державами не были еще улажены. Союзники ни за что не соглашались уступить намъ Керчь и Еникале. Самъ ханъ возсталъ противъ предложенія отдать эти крѣпости въ видахъ обезпеченія татарской независимости. «Татарская область самостоятельна и независима, а потому она должна защищаться и отстаивать себя собственными средствами», говорилъ Сагибъ-Гирей Долгорукову [1]). Шагинъ писалъ брату и совѣтовалъ не упорствовать, но не помогъ дѣлу [2]).

Дѣла въ Крыму осложнялись подъ вліяніемъ партіи, тянувшей къ Турціи. Узнавъ, что Турція прервала свои переговоры, начавшіеся въ Фокшанахъ, изъ-за независимости татаръ и уступки крѣпостей, турецкая партія стала дѣйствовать рѣшительнѣе. Она объявила, что Крымъ не хочетъ быть независимымъ и отвергала союзъ, объявленный Россіею. Щербининъ терялъ надежду на успѣхъ негоціаціи съ крымцами. Переговоривъ съ вѣрнымъ Джанъ-Мамбетомъ, онъ пишетъ въ Петербургъ о необходимости удержать по крайней мѣрѣ ногайцевъ, назначивъ имъ Шагива сераскиромъ и, отдѣливъ ихъ такимъ образомъ отъ крымцевъ, лишить Крымъ существенной поддержки [3]). Совѣтъ рѣшилъ имѣть въ виду планъ Щербинина, преддагаемый имъ во второй разъ, но подобно тому, какъ въ 1771 г. больше интересовались крымцами, чѣмъ ногайцами, такъ и теперь вниманіе было устремлено на Крымъ. Ногайцамъ рѣшили выдать до 10 т. рублей подарками, чтобы удержать ихъ отъ турецкихъ соблазновъ, и занялись Крымомъ, который возвращался къ прежнему своему положенію. Опять потребовались болѣе существенныя мѣры, чѣмъ безполезныя увѣщанія. Генералу Щербатову было приказано стянуть войска, а генералу Прозоровскому идти съ корпусомъ въ Крымъ [4]). Щербининъ долженъ былъ дѣйствовать чрезъ обласканныхъ ногайцевъ и,ославъ отъ нихъ депутатовъ въ Крымъ, требовать исполненія данныхъ Россіи обѣщаній. Наконецъ Долгоруковъ долженъ былъ, по приведеніи въ исполненіе нужныхъ мѣръ,

---

[1]) Ист. Рос. Сол., 28 т., 347 стр.

[2]) Арх. Гос. Сов., т. I, 141 стр. Чт. Общ. Ист. и Древ., 71 г., 4 кн., 125 стр.

[3]) Арх. Гос. Сов., т. I, 153 стр.

[4]) Сбор. Русс. Ист. Общ., т. XIII, стр. 269. Арх. Гос. Сов., I т., 168 стр.

заключить формальный трактатъ съ татарскою областью, который, помимо установленія отношеній между осоюзившимися державами, нуженъ былъ въ переговорахъ съ Турціею, отрицавшею татарскую независимость [1]).

Сталъ собираться въ дорогу и Шагинъ. 9-го августа совѣтъ слушалъ рѣчь, которую паша приготовилъ для отпускной аудіенціи [2]). Затѣмъ начались сборы. Шагину даны были новые подарки; подарена была сабля, оправленная въ золото и украшенная драгоцѣнными камнями. Для отправленія паши Панинъ просилъ денегъ и отправилъ совѣту счетъ въ 46,561 р., необходимыхъ на выѣздъ Шагина [3]). Нужно было еще выкупить заложенныя вещи.

Но пока собирался Шагинъ, дѣла въ Крыму стали улаживаться и безъ него. 19 сентября Долгоруковъ разбилъ татарскія скопища, производившія безпорядокъ, а 29 Щербининъ былъ приглашенъ въ Карасубазаръ для соглашеній [4]). Здѣсь собрались ширины, знатные мурзы, депутаты отъ ногайцевъ, представители бейскихъ поколѣній. 1-го ноября они подписали трактатъ, которымъ татарскіе народы признавали себя независимыми, составляющими одну область, объявляли себя въ союзѣ и дружбѣ съ Россіею, въ знакъ чего уступали ей «во всегдашнее содержаніе» Керчь и Еникале [5]). Оставалось теперь ратификовать трактатъ и тѣмъ покончить недоразумѣнія.

Наконецъ въ концѣ года выѣхалъ изъ Петербурга Шагинъ. 10 декабря совѣтъ вручилъ ему письма для передачи Долгорукову и Щербинину [6]). Кромѣ того онъ везъ съ собою Высочайшій рескриптъ хану. Шагинъ вернулся въ Крымъ сильно измѣнившимся. Пребываніе въ Петербургѣ произвело на него рѣшительное вліяніе. Принимая близкое участіе въ татарскомъ дѣлѣ, которому въ Петербургѣ давали направленіе почти на его глазахъ, честолюбивый, паша сталъ смотрѣть на себя, какъ на призваннаго самой судьбою къ рѣшенію участи своего отечества. Обстоятельства подтверждали

---

[1]) Чтенія Общ. ист. и древ., 1871 г., 4 к. 131 стр.
[2]) Арх. Гос. Сов., т. I, 199 стр.
[3]) Ibid.
[4]) Ibid., 207 и 208 стр.
[5]) Пол. Соб. Зак., т. XIX, № 13934.
[6]) Арх. Гос. Сов., т. I, стр. 220.

это: Щербининъ два раза представлялъ въ Петербургъ о необходимости избрать его главой ногайцевъ и совѣтъ раздѣлялъ это предложеніе. Но что могло значить сераскирство или даже ханство надъ кочевниками для татарскаго дофина, увлеченнаго европейской цивилизаціей и тѣмъ могуществомъ, какое она доставляла? Въ его головѣ раждался образъ другой власти—образъ ханскаго престола независимаго отъ Турціи, могущественнаго, славнаго. Этотъ престолъ долженъ быть воздвигнутъ въ Крыму, который, получивъ независимость, долженъ воспрянуть къ новой жизни, къ новой роли, къ такой роли, которая въ состояніи была бы затмить все создан когда либо Гиреями, превзойти славу Чингизовой монархіи. И эту жизнь могъ вдохнуть только онъ.

Чѣмъ болѣе онъ думалъ объ этомъ, тѣмъ болѣе убѣждался въ высотѣ своего призванія. Образъ черноморской имперіи Гиреевъ, принимавшій болѣе и болѣе грандіозные размѣры, овладѣлъ всѣмъ его воображеніемъ.

Но пока, ему предстояло вступить въ обязанность паши при крымскомъ ханѣ, который не замедлилъ по прибытіи Шагина созвать совѣтъ изъ знатнѣйшихъ лицъ [1]). Въ это собраніе является Шагинъ. Здѣсь онъ превозноситъ щедроты государыни, объявляетъ, что будетъ всегда благодаренъ ей и усерденъ къ русскому союзу, заявляетъ, что Россія оказала Крыму неизъяснимое благо, предоставивъ ему независимость, ибо только въ союзѣ съ нею заключается счастіе и благоденствіе Крыма; потомъ съ укоромъ обращается къ собранію и спрашиваетъ, что произвело непостоянство въ ихъ поведеніи, что побудило къ коварству, обману нарушенію клятвы? [2]). Собраніе отвѣтило по своему: «мы одинаково боимся какъ Россіи, такъ и Турціи; находясь въ опасности отъ первой, мы согласились на ея предложенія, боясь другой, сносились съ нею, считая себя зависимыми. Дѣйствіями Россіи, отнимающей у насъ земли и обращающейся съ нами лживо, мы теперь обмануты и огорчены».—«Ничего подобнаго Россія не дѣлаетъ»! съ жаромъ возразилъ паша. Да если бы Россія захотѣла бы мстить за вѣроломство, то ничего ей не стоитъ обратить Крымъ въ пу-

---

[1]) Ист. Рос. Сол., 29 т., стр. 31.

[2]) Ibid., стр. 32.

стыню. И это можетъ случиться, если вы будете продолжать вести себя вѣроломно. Лучше выдайте мнѣ возмутителей спокойствія, если только хотите быть вольными помощью Россіи». Собраніе, которое недавно только подписало трактатъ дружбы съ Россіей, отвѣтило молчаніемъ. Шагинъ вышелъ изъ себя. «Полномочіе, возложенное на меня при отъѣздѣ въ Россію, обязываетъ васъ повиноваться!»— «Мы васъ не удерживаемъ; у насъ есть государь, которому мы и обязаны повиноваться» [2]).

Калгѣ ничего не оставалось дѣлать, какъ жаловаться на «безпутство» своихъ единовѣрцевъ. Откровенно сознаваясь пріѣхавшему ...имъ князю Путятину, что ничего не можетъ подѣлать съ единоземцами, которые, по его словамъ, вдесятеро стали хуже и развратнѣе, чѣмъ были прежде, онъ прибавилъ: «съ такими неблагодарными людьми, враждебными мнѣ и русскимъ, я не могу остаться, потому что обѣщалъ ея величеству быть навсегда ей вѣрнымъ; если дѣла будутъ продолжаться въ такомъ же безпорядкѣ и силъ моихъ недостанетъ быть полезнымъ Россіи и себѣ, то принужденъ буду покинуть страну и искать убѣжища подъ покровительствомъ императрицы» [2]). Путятинъ написалъ объ этомъ въ Петербургъ. 11 апрѣля совѣтъ рѣшилъ: похвалить пашу за поведеніе и обнадежить его всегдашнимъ ея величества покровительствомъ [3]). Калга какъ говорилъ, такъ и сдѣлалъ: выѣхалъ изъ Бахчисарая и наконецъ остановился въ Перекопѣ [4]).

Но не для того онъ оставилъ столицу ханства, что-бы умыть руки въ крымскомъ дѣлѣ. Теперь крымскій вопросъ вступилъ въ новую фазу усложненій. Мирные переговоры съ Турціей въ Бухарестѣ убѣдили только въ упорствѣ турокъ, ни за что не соглашавшихся на признаніе Крыма независимымъ, не смотря даже на то, что имъ во очію представили союзный трактатъ Россіи съ Крымомъ, обнародованный 29 января 1773 г. Военныя дѣйствія возобновились, Турція готовилась дать отпоръ Румянцеву, извѣщала въ Крымъ, что пришлетъ помощь. Тогда Долгоруковъ стянулъ войска

---

[1]) Ibid.
[2]) Ibid., стр. 31.
[3]) Арх. Гос. Сов., т. I, стр. 243.
[4]) Ibid., стр. 236.

къ Перекопу, а Синявинъ съ своей флотиліей сталъ крейсировать вокругъ Крыма, на случай появленія турецкаго флота [1]). Въ это время у Перекопа Шагинъ ведетъ съ главнокомандующимъ бесѣду по душѣ. «Что-бы сдѣлать Крымъ независимымъ, нуженъ такой ханъ, увѣрялъ паша, который не боялся бы Турціи, а дѣйствовалъ бы рѣшительно». Шагинъ продолжалъ говорить о всегдашнемъ своемъ усердіи къ Россіи и въ концѣ концовъ обѣщалъ, что если его сдѣлаютъ самовластнымъ надъ татарами ханомъ, то онъ утвердитъ независимость Крыма отъ Порты [2]). 19 іюля Долгоруковъ далъ знать въ Петербургъ объ этомъ желаніи Шагина [3]). Совѣтъ, получивъ въ третій разъ предложеніе сдѣлать Шагина ханомъ, хотя по прежнему находилъ доводы паши основательными и справедливыми, все таки привести ихъ въ исполненіе не рѣшался, ибо это значило бы нарушить трактатъ, обнаружить свое вмѣшательство въ дѣла Крыма и этимъ дать себя въ руки Турціи. Совѣтъ сознавалъ, что не мало лѣтъ потребно для совершеннаго отдѣленія татаръ отъ Турціи и въ виду этого поручилъ только Панину обнадежить Шагина покровительствомъ императрицы и «всегдашнимъ въ случаѣ нужды сюда убѣжищемъ [4])». Но не успѣлъ еще этотъ отвѣтъ сдѣлаться извѣстнымъ всѣмъ лицамъ, стоящимъ при татарской негоціаціи, какъ, вслѣдствіе безпокойствъ на Кубани, снова пошло въ Петербургъ предложеніе о Шагинѣ.

Дѣло въ томъ, что Турція, ободрившись неудачей дунайской экспедиціи Россіи, дѣйствительно послала свои суда къ Тамани. Съ ними прибылъ на Кубань Девлетъ-Гирей. Сейчасъ на Кубани, бывшей всегда средоточіемъ самыхъ безпокойныхъ элементовъ, выходившихъ изъ Крыма, въ лицѣ разныхъ искателей приключеній, въ лицѣ разнаго рода султановъ, «чаявшихъ движенія воды», пошло ходить извѣстіе, что Крымъ возвращается подъ власть Порты, почему она и назначила Девлетъ-Гирея ханомъ [5]). Ногайцы, жившіе на той сторонѣ, пришли въ движеніе, отъ котораго ихъ не

---

[1]) Сбор. Рус. Ист. Общ., т. XIII, стр. 337.
[2]) Ист. Рос. Сол., т. 29, стр. 31.
[3]) Арх. Гос. Сов., т. I, стр. 251.
[4]) Ibid., стр. 252.
[5]) Арх. Гос. Сов., т. I, стр. 263.

могла удержать даже русская команда, находившаяся подъ начальствомъ Стремоухова, приставленнаго къ кочевникамъ. Русское вліяніе ослабѣло настолько, что Джанъ-Мамбетъ опять видѣлъ единственное средство спасенія въ отдѣленіи ногайцевъ подъ особое управленіе мощнаго сераскира, какимъ считался Шагинъ. И вотъ Щербининъ снова поднимаетъ въ совѣтѣ вопросъ объ избраніи Шагина ногайскимъ сераскиромъ и, какъ оказалось, для окончательнаго рѣшенія. Тайное вмѣшательство Турціи въ дѣла Крыма заставило Россію съ своей стороны поступать рѣшительнѣе. Пришелъ отвѣтъ: провести въ сераскиры Казы-Гирея, который также добивался начальствованія, а въ случаѣ его неудачи—Шагина [1]).

28 августа Шагинъ, сложивъ съ себя званіе калги, выѣхалъ въ Полтаву, гдѣ былъ любезно принятъ. Ему обѣщали выдавать ежемѣсячно по 500 руб., а въ случаѣ, если по какимъ либо причинамъ онъ оставитъ Полтаву и переѣдетъ въ Петербургъ, то будетъ получать по 1000 руб. [2]). Чрезъ два мѣсяца Долгоруковъ получилъ новый рескриптъ, въ которомъ бывшему калгѣ увеличено было жалованье съ 500 р. на тысячу [3]). Между тѣмъ Казы-Гирей потерпѣлъ неудачу: Девлетъ, соединившись съ едичкульцами, напалъ на пристава Павлова, разсѣялъ его отрядъ и сталъ утверждаться среди ногайцевъ [4]). Тогда Щербининъ, взявъ на непредвидѣнные расходы изъ канцеляріи слободской губерніи 35 т., послалъ на Кубань Шагина. Съ нимъ ѣхалъ бригадиръ Бринкъ, а ихъ сопровождалъ отрядъ войска подъ начальствомъ Стремоухова. Съ своей стороны Долгоруковъ распорядился придвинуть войска къ мѣсту отправленія Шагина. Послѣдній уже прибылъ на Кубань и нашелъ дѣла въ лучшемъ положеніи: полковникъ Бухвостовъ успѣлъ разсѣять мятежныя толпы татаръ и занялъ важный пунктъ на Кубани—Копылу [5]). Помощью денегъ и прибывшихъ отрядовъ Шагинъ въ маѣ 1774 года утвердился на Кубани [6]).

---

[1]) Чтен. Общ. ист. и древ., 1871 г., кн. 4, стр. 160 и 161.
[2]) Арх. Гос. Сов., т. I, стр. 260.
[3]) Ibid., стр. 267.
[4]) Ibid., стр. 275.
[5]) Ibid., стр. 277, 278 и 281.
[6]) Чтен. Общ. ист. и др., 1874 г., кн. 2, стр. 16—17.

Пока ограничились этимъ, такъ какъ Порта согласилась признать независимость татаръ, согласилась признать союзный трактатъ татарской области и Россіи и 10 іюля 1774 года заключила Кучукъ-Кайнарджійскій миръ.

Итакъ заключенный миръ, казалось, долженъ былъ успокоить державы, долженъ былъ покончить между ними недоразумѣнія и утвердить за Крымомъ положеніе, предоставленное ему Россіей.

Но не успокоился Крымъ. Заключенный миръ образовалъ между нимъ и единовѣрною Турціей пропасть, которую оба мусульманскія государства стараются уничтожить.

Связанный узами духовнаго родства, Крымъ не могъ помириться съ оторванностью и тянулъ къ единовѣрной Турціи. Съ своей стороны послѣдняя, не смотря на незажившія еще раны, нанесенныя ей въ первую войну, не могла забыть о потерѣ Крыма, котораго Кайнарджійскій трактатъ не могъ съ формальной стороны оторвать отъ нея окончательно, сохранивъ за султаномъ право посылать калифское благословеніе каждому изъ новоизбираемыхъ хановъ.

По этимъ соображеніямъ только что заключенный съ Россіей трактатъ сталъ нарушаться. Крымцы, по выводѣ Долгоруковымъ расположенныхъ въ Крыму войскъ, отправляютъ депутацію въ Константинополь и поручаютъ ей заявить Портѣ, что они не желаютъ быть независимыми и просятъ принять ихъ подъ свою защиту [1]). Не смотря на неудачу, понесенную крымцами при нападеніи русскаго войска, волненія въ Крыму не унимались. Съ своей стороны Порта внимательно слушаетъ заявленія татарской депутаціи, посылаетъ въ Крымъ новаго пашу—Бахти-Гирея, поддерживаетъ Девлета, передвинувшагося изъ Кубани въ Крымъ, не признаетъ Сагиба ханомъ, какъ поставленнаго помощью Россіи [2]).

Дѣла на это время приняли такой критическій оборотъ, что въ Петербургѣ рѣшили, въ случаѣ если Крыму суждено будетъ отойти къ Турціи, удержать по крайней мѣрѣ ногайцевъ [3]). Для

---

[1]) Арх. воен.-пох. канц. гр. Румянцева въ Чт. Общ. ист. и др., 1866 г, кн. 1, стр. 4—5 11; Арх. Гос. Сов., т. I, стр. 289.

[2]) Чтен. Общ. ист. и древ., 1866 г., кн. 1, стр. 18; Арх. Гос. Сов., т. I, стр. 304.

[3]) Чтен. Общ. ист. и древ., 1872 г., кн. 2, стр. 92—93.

этой цѣли Щербинину выдали 100 т. и отправили на Кубань въ кочевья Джанъ-Мамбета [1]) дѣйствовать сообща въ пользу образованія ногайскаго ханства, но съ условіемъ, «чтобы Порта не видѣла въ этомъ явнаго нашего участія [2])». Сначала Щербининъ примирилъ Джанъ-Мамбета съ Шагиномъ, которые почему то не поладили, затѣмъ склонилъ ногайцевъ и къ концу 1774 года Шагинъ могъ уже быть объявленъ ханомъ [3]). Извѣщенный объ этомъ Панинъ 10 января 1775 г. написалъ Щербинину не медлить избраніемъ Шагина, но не производить разрыва между ногайцами и крымцами, въ виду охлажденія Порты къ татарскому дѣлу и слѣдовательно лучшаго поворота въ дѣлахъ, вслѣдствіе чего ногайцы должны испросить у крымскаго хана утвержденія Шагина въ избранномъ ими ханскомъ достоинствѣ. Оставалось склонить на сторону Шагина еще безпокойныхъ едичкульцевъ, какъ новое обстоятельство дало другой ходъ происходившимъ событіямъ.

Порта, по выраженію русскаго повѣреннаго Петерсона, наскучилась крымскими хлопотами и сдѣлалась уступчивой [4]). 27 марта высочайшій манифестъ объявилъ о заключеніи мира съ Турціей [5]). Султанъ согласился выдать «нисанъ» Сагибу и признать его ханомъ, для чего отправилъ въ Крымъ съ этимъ нисаномъ своего миріалія. Пріѣздъ миріалія возбудилъ умы сильнѣе прежняго. Крымцы, руководимые Девлетъ-Гиреемъ, возмутились и низложили слабохарактернаго Сагиба, а на его мѣсто возвели Девлета [6]). Пока Щербининъ протестовалъ въ Крыму противъ низложенія Сагиба, пока Петерсонъ требовалъ отъ Порты объясненій по поводу случившагося въ Крыму, Девлетъ тѣмъ временемъ дѣйствовалъ въ пользу возвращенія ханству прежняго порядка и послалъ на Кубань сераскиромъ Тохтамышъ-Гирея [7]). Тохтамышъ съ таманцами и ногайцами напалъ, въ числѣ 3 т. человѣкъ, на Шагина, перебилъ весь отрядъ, находившійся при немъ и заставилъ его бѣжать къ абазинцамъ. Гене-

---

[1]) Чтен. Общ. ист. и др. 1872 г., кн. 2., стр. 96.
[2]) Арх. Гос. Сов., т. 1, стр. 293.
[3]) Чт. Общ. ист. и древн., 1872 г., кн. 2, стр. 104.
[4]) Ibid., 1866 г., ч. I, стр. 34.
[5]) Ibid., 1872 г., кн. 2, стр. 105.
[6]) Ibid., стр. 117—124.
[7]) Ibid., стр. 122—126.

ралъ Борзовъ послалъ одинъ купеческій ботъ, который перевезъ Шагина въ Еникале [1]). Здѣсь ему предстояло принять участіе въ болѣе важныхъ по своимъ послѣдствіямъ событіяхъ, которыя не замедлили вскорѣ обнаружиться.

Турція, подъ вліяніемъ совершившихся событій, снова заговорила. Репнину, посланному въ Константинополь, для засвидѣтельствованія дружбы и союза съ Турціей, Порта прямо заявляетъ, что Крымъ не можетъ оставаться безъ турецкаго покровительства и формально проситъ Россію отступить отъ независимости татаръ [2]). Репнинъ доносилъ объ этомъ въ Петербургъ, жаловался, что Порта не выводитъ своихъ войскъ изъ Крыма, задерживаетъ контрибуцію и думаетъ воспользоваться этимъ для пересмотра вопроса о вольности татаръ. Дѣйствительно, поведеніе Турціи показывало, что она не думаетъ отказываться отъ обладанія Крымомъ: новому хану, вмѣсто калифскаго благословенія, послана султанская инвеститура, какъ это дѣлалалось раньше, во время господства Турціи надъ ханствомъ. Въ добавленіе ко всему Порта ограничивала свободу мореплаванія и задерживала купеческія суда, направлявшіяся въ Керчь.

Россія рѣшила поддержать кайнарджійскій трактатъ, приходившій въ разрушеніе. 8-го марта 1776 г. императрица подписываетъ рескриптъ Румянцеву, принявшему теперь ближайшее веденіе крымскаго дѣла, придвинуть 30 тысячъ войска къ сторонѣ Крыма и особый корпусъ къ кубанской линіи [3]). Въ тоже время генералъ-губернаторъ новороссійскаго края Потемкинъ, выступившій на сцену дѣйствій, долженъ былъ оказывать всевозможное содѣйствіе главнокомандующему. Было рѣшено утвердить Шагина ханомъ на Кубани, а потомъ перевести на крымскій престолъ. Шагинъ двинулся внутрь кубанской земли, гдѣ бригадиръ Бринкъ уже приводилъ въ покорность возмутителей спокойствія, а оставшихся спокойными подготовлялъ къ принятію Шагина. Въ тоже время находившійся въ Еникале генералъ Борзовъ набиралъ приверженцевъ въ Крыму [4]).

---

[2]) Сбор. рус. ист. общ., т. XV. стр. 549.

[3]) Ibid., стр. 492.

[3]) Сбор. рус. ист. общ., т. XXII, стр. 4.

[4]) Чт. Общ. ист. и древ-» 1866 г., т. I, стр. 102.

Въ октябрѣ Прозоровскій, посланный Румянцевымъ, занялъ перекопскую линію и готовъ былъ войти въ Крымъ; онъ ожидалъ только извѣстій съ Кубани, чтобы занять Перекопъ. Извѣстія пришли благопріятныя: Шагинъ былъ принятъ ногайцами и торжественно объявленъ самодержавнымъ независимымъ ханомъ [1]). Вслѣдъ за этимъ Шагинъ направился въ Крымъ и вступилъ туда вмѣстѣ съ Прозоровскимъ. Девлетъ собралъ 40 т. войска и вышелъ на встрѣчу. Сначала, чтобы выиграть время, онъ вошелъ въ мирные переговоры, потомъ вдругъ напалъ на русскій гарнизонъ, но былъ разбитъ и бѣжалъ. Прозоровскій овладѣлъ дорогою къ Бахчисараю и, раздѣливъ армію на отряды для очищенія страны, съ главнымъ отрядомъ направился къ столицѣ ханства. Девлетъ, окруженный со всѣхъ сторонъ, покинулъ престолъ и бѣжалъ изъ Крыма [2]). Скоро жители приведены были въ покорность и согласились на избраніе новаго хана, какимъ русская партія, дѣятельно работавшая подъ шумъ войны, готовила Шагина. Дѣйствительно крымское собраніе приняло Шагина и присягнуло ему, какъ самодержавному хану съ неограниченными правами [3]). Вслѣдъ за этимъ новый ханъ извѣстилъ по обычаю Порту о своемъ избраніи, но счелъ нужнымъ умолчать о предоставленной ему неограниченной власти.

II.

И такъ, давно желанная цѣль Шагина, такъ долго замедляемая въ своемъ исполненіи пестрымъ и крайне разнообразнымъ ходомъ событій, наконецъ осуществилась. Мечта его сдѣлалась дѣйствительностью: крымскій престолъ находился въ его обладаніи. Теперь-то настала пора осуществить другую мечту, болѣе грандіозную—преобразовать ханство въ славную черноморскую имперію. Средства для этого казались въ его рукахъ: знаніе, энергія, сила воли и покорный народъ. Съ этими средствами, считавшимися для него достаточными, началъ свою дѣятельность крымскій ханъ.

Однимъ изъ золъ, подтачивавшихъ жизнь ханства, дѣлавшихъ его игрушкою въ рукахъ могущественныхъ сосѣдей, была власть

---

[1]) Чтен. Общ. ист. и древн., 1866 г., т. I, стр. 227.

[2]) Времен. общ. ист. и древн., 1856 г., 24 кн., стр. 101—102.

[3]) Ibid. Сбор. рус. ист. общ., т. XVII, стр. 133 (прим.)

олигархіи. Во главѣ ея находились представители бейскихъ поколѣній, ведущихъ свое происхожденіе отъ потомковъ Чингизъ-хана и сохранившихъ, въ числѣ другихъ привилегій, право на ханскій престолъ; этимъ правомъ особенно дорожили ширины, никогда не забывавшіе его [1]). Удержавъ за собою земли, на которыхъ расположились предки ихъ, перекочевавшіе съ своими ордами въ Крымъ, беи превратились въ независимыхъ владѣтелей, признающихъ одни вассальныя отношенія къ хану, при дворѣ котораго они не отправляли никакихъ должностей. Такое ихъ положеніе и связанныя съ нимъ традиціи дѣлали беевъ ограниченіемъ самодержавной власти хана, который, не смотря на свои права и полномочія, предоставленныя ему кораномъ какъ свѣтскому, такъ и духовному владыкѣ, по отношенію къ беямъ не пользовался ими вполнѣ и даже находился въ извѣстной степени зависимости отъ нихъ. Имѣя войско и владѣя достаточными матеріальными средствами, они могли вступать въ пререканіе съ ханомъ и въ случаѣ недовольства свергали его. Послѣднему нуженъ былъ особый тактъ и умѣнье разъединять интересы высшаго дворянства, что-бы дать ему почувствовать силу своей власти. За беями слѣдовали дворянскіе роды [2]), происходившіе отъ позднѣйшихъ переселенцевъ въ Крымъ, или возвысившіеся своею придворною службою; они не чуждались вмѣшательства во внутреннія междоусобія и примыкали къ той или другой партіи. Понятно, почему Шагинъ, вступивъ на престолъ, заставилъ принести себѣ присягу въ неограниченномъ самовластіи и затѣмъ сталъ ревниво оберегать свои прерогативы. Рядомъ мѣропріятій ему удалось подчинить и поставить въ непосредственную отъ себя зависимость крымскую аристократію. Успѣхъ этого дѣла обусловливался тревожными событіями, испытанными Крымомъ. Бѣдствія войны, тяжесть происходившихъ столько лѣтъ неурядицъ, отразились на экономическомъ состояніи многихъ дворянъ и по преимуществу беевъ, какъ самыхъ безпокойныхъ. Служба, которая при измѣнившихся условіяхъ администраціи открывала, въ добавокъ, доступъ честолюбію,

---

[1]) Изъ собранія ярлыковъ, принадлежащихъ мурзамъ Ширинскимъ, и ихъ родословной, хранящихся въ архивѣ тавр. дворян. собр. за 1820 г.

[2]) Пам. кн. таврической губ., „Занятіе Крыма“, стр. 20.

являлась однимъ изъ средствъ содержанія, однимъ изъ источниковъ увеличенія земныхъ благъ. И вотъ Шагинъ вводитъ цѣлую систему управленія, создаетъ іерархическую службу съ опредѣленнымъ окладомъ жалованья, выдаваемымъ изъ казны.

Патріархальное состояніе администраціи, не разграничивавшей смѣсь различныхъ населеній, требовало приведенія всего управленія къ единству, къ извѣстной организаціи. Ханъ старается дать эту организацію введеніемъ централизаціи въ управленіе, установленіемъ іерархической системы, болѣе точнымъ опредѣленіемъ каждому органу управленія круга его обязанностей, учрежденіемъ новыхъ органовъ или уничтоженіемъ старыхъ. Удерживая непосредственно за собою главное управленіе и руководительство судьбами государства, Шагинъ даетъ новый видъ дивану или ханскому совѣту. Новый диванъ состоялъ изъ двѣнадцати сановникомъ [1]). По недостатку свѣдѣній трудно опредѣлить, каковъ былъ точный кругъ его вѣдомства. Можно предположить, что это былъ родъ государственнаго совѣта, стоящаго во главѣ всѣхъ учрежденій и имѣвшаго въ рукахъ административную и законодательную власть. Изъ «регистра даванному помѣсячно жалованью при Шагинъ-Гиреѣ» [2]), истребованнаго по присоединеніи Крыма княземъ Потемкинымъ отъ крымскаго земскаго правительства [3]), видимъ знатныхъ лицъ, получающихъ ежегодно отъ 2200 рублей на русскія деньги до 5500. Эти чиновники назывались мурахасами и въ числѣ ихъ поименованы слѣдующія лица: Ширинскій бей, Адильша-ага, Мегметча мурза, Ахметша мурза, Селимша-ага, Шагинъ Гирей мурза—Ширинскіе, Мансурскій бей, Азаматъ мурза, Сары мурза, Эмерша мурза—Мансурскіе, мурахасъ Мегметъ Ага, Аргинскій бей. Изъ этого можно думать, что въ совѣтъ, какъ высшее государственное учрежденіе, вошли представители знатнѣйшаго дворянства, главнымъ образомъ тѣ изъ беевъ, которые успѣли показать усердіе новому правительству [4]). Слѣдова-

---

[1]) Врем. Общ. ист. и древ., 1856 г., кн. 24, стр. 103.

[2]) Изъ „Журнала крым. зем. прав.“, хранящагося въ губернскомъ архивѣ въ г. Симферополѣ.

[3]) Отправленъ князю 27 ноября 1783 г., подъ № 145 (арх. г. Симф.).

[4]) Изъ „регистра даванному помѣсячно жалованью“ (арх. г. Симф.).

тельно совѣтъ, помимо другаго своего значенія, являлся также средствомъ образовать изъ беевъ служилое сословіе.

Отдѣльные органы управленія получили болѣе ясное опредѣленіе и назначеніе. Указанъ былъ болѣе точный кругъ вѣдомства диванъ-эфендію, ставшему теперь секретаремъ совѣта; отнято было административное значеніе у капудили-баши, игравшаго прежде видную роль въ управленіи, въ качествѣ приближеннаго лица съ званіемъ «охранителя дверей хана», и обратившагося теперь въ высшаго придворнаго служителя; актаги-бей сталъ только шталмейстеромъ, а киларджи-бей—гофмаршаломъ. Вообще придворныя лица, имѣвшія при прежнемъ строѣ управленія также другое административное значеніе, съ распредѣленіемъ администраціи по отдѣльнымъ вѣдомствамъ, сохранили лишь придворное значеніе въ качествѣ чиновъ свиты, въ правильномъ устройствѣ которой Шагинъ не менѣе былъ заинтересованъ, съ цѣлью придать блескъ своему двору. Казасперу-эфендію былъ данъ «подсудокъ» съ жалованьемъ въ 800 левовъ, вслѣдствіе расширившагося круга его дѣятельности.

Въ областномъ управленіи Крымъ составилъ шесть округовъ, которыми управляли особые начальники *каймаканы*, завѣдывавшіе гражданскою частью. Въ свою очередь каждое каймаканство дѣлилось на кадылыки, которыхъ считалось 44 [1]). Въ этихъ округахъ были кадіи, завѣдывавшіе судомъ, муселимы, дыздари, сердари, составлявшіе родъ военныхъ начальниковъ, баишъ-бумокъ-баши—высшія военныя лица. Полицейская часть, распредѣленная между уѣздными и окружными чинами, сосредоточивалась въ рукахъ Вели-аги.

Образовалась такимъ образомъ сложная классификація государственныхъ чиновъ, представлявшихъ въ общемъ три іерархическія ступени: первыхъ, вторыхъ и третьихъ чиновъ, въ концѣ которыхъ числились писаря, съ жалованьемъ въ 200, 300 левовъ, разсыльные и пр. Изъ имѣющейся подъ руками вѣдомости расходамъ ханства видно, что въ 1778 г. получало жалованья 152 лица, содержаніе которыхъ стоило 230.936 левовъ или 138,561 рубль [2]).

Вслѣдствіе новыхъ требованій государства финансы должны были обратить особенное вниманіе хана. Дѣйствительно упорядоче-

---

[1]) „Журналъ крымск. земск. правительства„ (арх. г. Симф.).

[2]) Изъ „Регистра даванному помѣсячно жалованью“ (тамъ же).

ніе финансовой части, усиленіе финансовыхъ мѣръ было одной изъ главныхъ заботъ Шагина. Въ основу финансовой реформы легла строгая отчетность: записывался даже самый небольшой расходъ, напр. жалованье, выдаваемое ханскимъ поварамъ, кучерамъ и т. д. Завѣдываніе финансами по прежнему находилось въ рукахъ дефтердарь-аги и такимъ былъ при немъ Кутлуша-ага, но ханъ сдѣлалъ изъ него настоящаго министра финансовъ и далъ ему въ управленіе цѣлое учрежденіе съ штатомъ чиновниковъ, счетчиковъ, таможенныхъ начальниковъ, надзирателей, писарей. Въ числѣ другихъ мы видимъ втораго дефтердара Темиръ-агу, ханскаго казнадара или казначея Мегметъ-агу и директора монетнаго двора Абдулъ-Хамитъ-агу, раздававшаго жалованье служащимъ и державшаго на откупѣ нѣкоторые источники доходовъ ханства [1]). Вообще почти всѣ доходы ханства были отданы на откупъ. Такъ въ 1777 г. доходъ съ перекопской, козловской и кефинской таможень и съ соляныхъ озеръ былъ отданъ Мавроени съ компаніей за 215 т. [2]). Въ слѣдующемъ году откупъ былъ отданъ купцу Хохлову. Но Хохловъ, уплатилъ хану 110 т., потомъ не выдержалъ и отказался, обязавшись векселемъ доплатить 105 т. Этотъ же Хохловъ держалъ съ 1777 г. по 1780 питейный откупъ за 16,500 рублей. Въ 1781 г. откупъ не былъ отданъ и сборъ его порученъ былъ еврею Веньяминъ-агѣ [3]). Рыбная ловля на Днѣпрѣ была отдана одному запорожцу за 1000 р. Сборъ съ рогатаго скота и овецъ, такъ называемые зекяты, былъ отданъ въ 1777 г. Азаметъ-агѣ. Въ 1780 г. сборъ не былъ отданъ на откупъ, а въ слѣдующемъ году его имѣлъ Абдулъ-Хамитъ-ага за 30 т., при чемъ онъ взималъ въ Крыму по 1 к. за овцу, по 10 к. за лошадь, съ 30 штукъ рогатаго скота одну голову, а за Перекопомъ тоже, что и въ Крыму, и кромѣ того за каждую штуку рогатаго скота по 9 к. [4]). Доходъ съ пчелъ, доходъ отъ соли, предназначенной исключительно для продажи въ Крыму, отъ

---

[1]) „Повелительный листъ хана Шагинъ-Гирея“ (изъ коммисейскаго рѣшенія 1808 г. за № 383, хран. въ архивѣ г. Симферополя).

[2]) Изъ вѣдомости отправленной при рапортѣ кн. Потемкину, ноября 22 дня 1783 г. подъ № 1423 (архивъ г. Симфер.).

[3]) Ibid., п. 2.

[4]) Изъ объясненій Ширинскаго бея и Абдулъ-Хамидъ-аги, приложенныхъ къ вышеозначенной вѣдомости.

продажи земляного мыла (киля), пошлинный сборъ въ Карасубазарѣ, Ахмечети и Бахчисараѣ—всѣ эти доходы тоже были отданы на откупъ.

Нельзя сказать, чтобы введенная ханомъ откупная система была дѣйствительной фискальной мѣрой. Тѣмъ не менѣе доходы ханства значительно увеличились противъ прежняго уже потому только, что по кучукъ-кайнарджійскому трактату султанъ лишился своихъ владѣній въ Крыму, составлявшихъ суданскій и мангупскій кадылыкъ. Эти владѣнія отошли къ хану, сборъ съ земельныхъ угодій этихъ кадылыковъ отданъ на откупъ Абдулъ-Хамитъ-агѣ и приносилъ дохода 14 т.[1]). Городовой сборъ въ Кафѣ, также отошедшій къ хану, доставлялъ 4 т. Затѣмъ, съ переселеніемъ христіанъ въ азовскую губернію, остались во владѣніи хана земли и сады переселившихся, доходъ съ которыхъ составлялъ 1500 р.[2]). Всѣ эти имѣнія находились въ вѣдѣніи Тапъ-Агасы, начальника придворной экономіи. Въ видахъ же усиленія средствъ ханъ увеличилъ подать, платимую селившимися въ Крыму евреями и цыганами; вмѣсто прежнихъ 60 к. съ души платили: богатые по 7 р. 20 к., средніе по 3 р. 60 к. и наконецъ бѣдные по 1 р. 80 к. въ годъ[3]).

Вообще среднимъ числомъ ханство имѣло доходовъ на 345,612 руб. Изъ этого числа 138,561 р. расходовалось на содержаніе администраціи и болѣе 85,000 р. на содержаніе двора.

Послѣ финансовъ войско было другой важной заботой хана.

Состояніе войска носило первобытный характеръ. Передовой и главной ратью служили ногайцы, представлявшіе орду хищныхъ наѣздниковъ, способныхъ производить одни разгромы и потому устремлявшіеся впереди войска для разоренія пограничныхъ областей. За ними выступалъ ханъ съ войскомъ, составлявшимся изъ отрядовъ, которые выставлялись беями и другими знатными мурзами, получавшими отъ хана земли. Кромѣ того Турція, въ качествѣ покровителя, выставляла въ поле свои полки, находившіеся въ Кафѣ, Керчи и Еникале. Подобное разношерстное войско не могло удовлетворить Шагина, мечтавшаго о завоеваніяхъ на Востокѣ—на Кавказѣ и Персіи; оно не имѣло никакого устройства, не было обучено во-

[1]) Изъ „Регистра“, п. 1.

[2]) Ibid., п. 5.

[3]) Ibid., п. 9 и 10.

инскому строю и въ добавокъ ставило хана въ зависимость отъ беевъ. Къ этому слѣдуетъ прибавить еще, что турецкихъ полковъ уже не было. Въ виду этого, учрежденіе постояннаго войска и обученіе его воинскому строю было необходимою задачей новаго правительства. Шагинъ принялся за это дѣло съ особою рѣшительностью и въ этомъ отношеніи пошелъ дальше, чѣмъ слѣдовало. Чтобы привлечь все народонаселеніе къ отбыванію воинской повинности, Шагинъ послалъ особыхъ чиновниковъ переписать все населеніе для установленія набора со всего государства [1]). Затѣмъ было объявлено брать изъ пяти дворовъ одного человѣка. Это распоряженіе, хотя и съ трудомъ, въ виду народнаго неодобренія, но все-таки принялось. Произведенный наборъ положилъ начало регулярному войску, которое стали обучать европейскому строю [2]). Еще большее вниманіе было обращено на особый полкъ *сайменовъ*. Они составляли ханскую гвардію, имѣли особую форму, особенное устройство и пользовались отличнымъ вниманіемъ со стороны хана. Кромѣ того во дворцѣ появились gardes de corps, куда вступали избранные мурзы. Затѣмъ архивныя данныя указываютъ намъ на Мегметги-бея, состоявшаго начальникомъ при *бешлейскомъ* войскѣ съ жалованьемъ въ 70 т. анча въ годъ.

Въ связи съ указанными реформами измѣнился самый образъ жизни при ханскомъ дворцѣ: первобытная простота въ соединеніи съ азіатскою роскошью уступила мѣсто болѣе утонченному образу жизни, устроившемуся на европейскій манеръ. Ханъ уже не былъ доволенъ Бахчисараемъ, способнымъ удовлетворить своимъ закрытымъ мѣстоположеніемъ прежнихъ хановъ, занимавшихся наѣздами и какъ бы укрывавшимися въ глубокомъ бахчисарайскомъ ущельи. Преобразователю ханства было нужно море, обобщающее народы, приближавшее Кавказъ съ его богатствами къ имперіи Гиреевъ. Онъ останавливаетъ свое вниманіе на Кафѣ, выбираетъ ее, по ея приморскому положенію, будущей своей резиденціей и начинаетъ тамъ строить дворецъ [3]). По его плану новая столица должна была стать центромъ татарской гражданственности и промышлен-

---

[1]) Врем. общ. ист. и древ., 1856 г., кн. 24, стр. 103—104.

[2]) Исторія Херсон. тавр. Сестренцевича, т. 2, стр. 389.

[3]) Врем. общ. истор. и древ., кн. 24, стр. 113.

ности, для насажденія которой Шагинъ вызываетъ иностранцевъ. Однимъ изъ первыхъ предначертаній въ этомъ направленіи былъ планъ устройства въ Кафѣ литейнаго завода; заводъ пороховый появился очень скоро, но не въ Кафѣ, а подлѣ Бахчисарая.

Но что всего удивительнѣе, что болѣе всего возбуждало удивленіе правовѣрныхъ. это немусульманскій образъ жизни хана. Онъ въ постоянныхъ общеніяхъ съ невѣрными, мало того онъ преданъ имъ; онъ вѣрнѣйшій союзникъ Россіи, голосу которой внимаетъ, съ которой совѣтуется. У него въ дворцѣ большая часть прислуги изъ христіанъ; тутъ и «кофешенкъ-Косма», повара: Алексѣй, Иванъ, какой-то нѣмецъ и др., извощики Иванъ, Алексѣй и др., лекарь Иванъ Ивановичъ, тутъ же видимъ англичанина Робертсона и т. д. [1]). Ханъ не ѣздитъ верхомъ, какъ то дѣлали прежніе ханы, а ѣздитъ въ каретѣ, ѣстъ сидя, за парадnымъ столомъ, сервированнымъ по европейски, и если не рѣшается бриться. то по крайней мѣрѣ прячетъ концы своей бороды подъ широкій галстухъ [2]).

Такъ началъ дѣйствовать Шагинъ Гирей. мечтавшій о возвышеніи и возвеличеніи своей монархіи путемъ только тѣхъ средствъ, которыя находились въ его распоряженіи. Жизнь показала, что ему недоставало того могущественнаго средства, которое заключается въ подготовленности общества къ воспринятію вводимыхъ въ его бытъ началъ, короче говоря—ему недоставало общественной симпатіи. Первые шаги его дѣятельности были встрѣчены съ нѣмымъ равнодушіемъ, чрезъ которое можно было видѣть начало глубокаго недоброжелательства. Мало по малу общественное настроеніе выяснилось. Масса ничего другого не видѣла въ его дѣятельности, кромѣ попранія вѣры, и съ ужасомъ встрѣчала ханскихъ чиновниковъ, занимавшихся переписью жителей, дѣломъ невиданнымъ, неслыханнымъ. А тяжесть новаго правленія, строгаго и требовательнаго, только вооружала населеніе, привыкшее жить въ патріархальной простотѣ, и дѣлала его главнымъ противникомъ затѣянныхъ реформъ. Дворянство видѣло въ дѣятельности хана одну лишь угодливость Россіи, и только небольшой кружокъ людей, связанныхъ интересами съ новымъ правительствомъ. былъ на сто-

---

[1]) Изъ „Регистра“, № 145 (арх. г. Симфэр.).

[2]) Ист. Херс. тавр., Сестренцевича, т. 2, стр. 380.

ронѣ Шагина. Обстоятельства показывали, что одряхлѣвшее ханство не способно возродиться. Начались смуты, направленныя противъ хана, и на этотъ разъ взбунтовалась чернь. Отдѣльныя шайки бунтовщиковъ бросились по разнымъ направленіямъ, поднимая жителей къ возстанію. Одна толпа, подъ предводительствомъ Агасы, Сеита и Лиши, направилась къ Бахчисараю, но была отбита высланнымъ противъ нее отрядомъ сайменовъ. Шайка направилась къ Карасубазару, подъ которымъ стоялъ Прозоровскій. Оказалось, что Прозоровскій принялъ заранѣе соотвѣтствующія мѣры и настолько усилился, что при видѣ его отряда толпа разошлась. Возвращаясь, мятежники встрѣтили хана, вышедшаго усмирять мятежъ, бросились на него, но потерпѣли пораженіе. Не смотря на побѣду, ханъ, видя, что возстаніе охватило всю горную мѣстность, сблизился съ Прозоровскимъ и усилилъ себя его отрядомъ. Пока мятежники распоряжались въ Бахчисараѣ, гдѣ ограбили дворецъ, казнили визиря Абдулу, разорили дома ханскихъ приверженцевъ, пришло извѣстіе о высадкѣ близъ Козлова хана Селимъ-Гирея, прибывшаго изъ Очакова. Тогда мятежники устремляются къ нему на встрѣчу и ставятъ его во главѣ возстанія. Затѣмъ направляются къ Бахчисараю, гдѣ намѣреваются сдѣлать его ханомъ. Въ такихъ обстоятельствахъ Прозоровскій рѣшается усмирить мятежъ вооруженной силой. Сначала онъ очищаетъ отъ мятежныхъ шаекъ мѣстность, прилегающую къ Бахчисараю, послѣ чего направляется къ Альмѣ, а оттуда къ Качѣ. Здѣсь русскіе полки были посланы по различнымъ направленіямъ для обузданія мятежниковъ и приведенія жителей въ покорность. Неорганизованное возстаніе было очень скоро подавлено, и горскіе жители, приведенные, по донесенію начальниковъ посланныхъ отрядовъ, въ «полунебытіе», съ полною готовностью приносили повинную. Въ февралѣ 1778 года Селимъ-Гирей оказался окруженнымъ русскимъ войскомъ. Не видя спасенія, Селимъ и съ нимъ предводители возстанія отдали себя во власть Шагина. Такимъ образомъ междоусобная война, во время которой погибло болѣе 12 т. человѣкъ въ разныхъ стычкахъ, а множество стариковъ, женщинъ и дѣтей отъ стужи и голода, окончилась, благодаря русскому оружію, въ пользу Шагина[1]). Казнивъ предводи-

[1]) Врем. общ. ист. и древ. 1856 г., кн. 24, стр. 104—112.

телей возстанія, Шагинъ снова утвердился на престолѣ и строгими мѣрами рѣшилъ поддерживать спокойствіе.

Событія въ Крыму пробудили Турцію. Въ концѣ апрѣля она посылаетъ свои войска на помощь правовѣрнымъ. Суворовъ, оберегавшій берега, не допустилъ десанта и заставилъ турецкій флотъ вернуться безъ успѣха, потерявъ въ безплодныхъ попыткахъ къ высадкѣ 7 судовъ и болѣе 7 т. человѣкъ [1]). Не смотря на неудачу, Порта не признавала Шагина ханомъ, отрицала законность избранія его, объявляла избраніе нарушеніемъ трактата. Только настоятельныя представленія Стахіева, каждый разъ угрожавшаго полнымъ разрывомъ, и вмѣшательство Франціи заставили Порту уступить и выдать Шагину грамоту. Послѣ этого, въ силу конвенціи, заключенной между Россіей и Турціей, изъ Крыма были выведены въ 3-хъ мѣсячный срокъ, какъ русскія, такъ и турецкія войска, остававшіяся тамъ въ небольшомъ числѣ, еще со времени заключенія кучукъ-кайнарджійскаго трактата [2]). Въ Крыму остался только Суворовъ для переселенія христіанъ изъ Крыму въ азовскую губерпію.

Возстановивъ себя на престолѣ, Шагинъ снова отдается своей дѣятельности. Чрезъ посредство Веселицкаго, состоявшаго при ханѣ чрезвычайнымъ посломъ, Шагинъ проситъ позволенія разрѣшить вывозъ изъ Россіи металловъ для битья монеты, для чего устраиваетъ въ Кафѣ монетный дворъ. Завѣдываніе имъ было поручено Абдулъ-Хамитъ-агѣ, игравшему немаловажную роль въ исторіи финансовъ послѣдняго крымскаго хана. Денежныя работы начались съ 1780 г. и за три года было выбито 92,113 ханскихъ мѣдныхъ рублей, 37,480 рублей 50-й пробы, 91,136 пятой пробы, 5,853 р. 80-й пробы. Чистая выручка отъ монетнаго двора съ 1780 по 1783 г. составляла 17,737 руб. [3]).

Въ началѣ 1779 года Суворовъ, обнаруживавшій въ Крыму особую дѣятельность, посылаетъ въ новороссійскую губернскую канцелярію составленный имъ, по просьбѣ хана, *регистръ почтамъ*

---

[2]) Ист. Рос. Сод., т. 29, стр. 279, 281 и 282.

[3]) Ibid., стр. 309.

[1]) Изъ „Перевода съ регистра монетнаго двора, поднесеннаго ген.-пор. Игельстрому, директоромъ двора Абдулъ-Хамидомъ, о сдѣланныхъ деньгахъ", 27 ноября 1783 г., хран. въ архивѣ г. Симферополя.

въ Крыму. По этому *регистру* отъ Бахчисарая до Перекопа и до Арабата было учреждено 16 станцій. Каждый, кто имѣлъ позволеніе крымскаго правительства или рекомендацію Суворова, могъ получать лошадей съ платою отъ шести до девяти коп. за лошадь [1]).

Приверженность свою къ европеизму Шагинъ высказываетъ уже смѣлѣе прежняго, при чемъ чувства, питаемыя ею, всецѣло переноситъ на Россію, въ которой онъ видитъ свою защиту и опору. Туда онъ намѣревается отправить своихъ племянниковъ для помѣщенія ихъ въ одномъ изъ петербургскихъ учебныхъ заведеній, и себя проситъ зачислить въ петербургскій полкъ. Оттуда онъ выписываетъ художниковъ, оружіе, украшенія для своего двора и другіе необходимые предметы [2]). Чѣмъ дальше шелъ Шагинъ, тѣмъ больше и больше разрывалъ связи съ прошлымъ своей родины. Наконецъ къ всеобщему соблазну правовѣрныхъ онъ не держитъ болѣе трехъ женъ и брѣетъ уже бороду [3]).

Въ то время, когда Шагинъ былъ такъ занятъ своими планами объ устроеніи черноморской имперіи, другой дѣятель, генералъ-губернаторъ Потемкинъ, основывалъ Новороссію въ южныхъ степяхъ, прилегающихъ къ Черному морю, для которыхъ настала пора исторической жизни. Море открылось уже для новаго края, но нужно было овладѣть еще сѣвернымъ берегомъ его, нужно было присоединить къ нему Крымъ, жизнь котораго, не смотря на предпринимаемыя Шагиномъ мѣры, была на исходѣ. Поэтому недремлющимъ окомъ слѣдитъ устроитель Новороссіи за сосѣднимъ Крымомъ, дни котораго были уже сосчитаны и съ которымъ скоро не замедлилъ случиться послѣдній ударъ. Этотъ ударъ находился въ связи съ предшествующими событіями и завершалъ собой рядъ событій, случившихся въ Крыму съ самаго начала крымскаго вопроса.

Народное недовольство Шагиномъ не могло уничтожиться возстановленіемъ его на престолѣ и принятіемъ къ искорененію этого недовольства крутыхъ мѣръ. Оно коренилось въ самомъ ходѣ вещей и ожидало только случая, чтобы обнаружиться съ новой силой. Поведеніе Шагина, доходившаго до явнаго пренебреженія

---

[1]) „Обозр. ист. новорос. края“, Скальковскаго, ч. I, стр. 138.

[2]) „Дѣянія кн. Потемкина“, Рус. Арх., 1867 г., стр. 1211.

[3]) Ibid., стр. 1220.

освященныхъ религіей и вѣками обычаевъ, заставило правовѣрныхъ возстать на защиту поруганной вѣры. Движеніе обнаружилось сначала на Кубани. Въ концѣ 1780 года ногайцы, руководимые прибывшимъ изъ Турціи комендантомъ Сулейманъ-Агой заволновались, отказались повиноваться Шагину и рѣшились избрать новаго хана [1]). За ними возстали крымцы и въ іюлѣ 1781 года отправляютъ депутацію въ Петербургъ съ разными жалобами на хана: на его жестокость, притѣсненія, несправедливость. Извѣщенный объ этомъ Потемкинъ приказалъ депутаціи вернуться и объявилъ, что Россія не признаетъ другой власти и иного начальства, кромѣ верховнаго правленія законнаго государя ихъ Шагинъ-Гирея [2]). Тогда крымцы рѣшаются избавиться отъ злополучнаго Шагина и зовутъ къ себѣ на престолъ находившагося на Кубани брата его Богадыря, который, вмѣстѣ съ другимъ братомъ Арсланомъ, раздѣлялъ общую непріязнь къ хану [3]). Шагинъ отвѣтилъ казнью вожаковъ возстанія, но безуспѣшно—на мѣсто ихъ явились другіе. Пока собирался въ Крымъ Богадырь, султанъ Алимъ, собравъ отрядъ вооруженныхъ татаръ въ три тысячи человѣкъ, открылъ дѣйствія и напалъ на Шагина. Ханъ послалъ противъ него своихъ сайменовъ, но послѣдніе сами пристали къ мятежникамъ [4]). Тогда Шагинъ съ Веселицкимъ спасаются бѣгствомъ подъ защиту русскаго гарнизона въ Еникале, а мятежники избираютъ ханомъ прибывшаго въ Крымъ Богадыря, послѣ чего составляютъ двѣ грамоты: одну къ султану, другую къ императрицѣ о низложеніи Шагина и избраніи новаго хана [5]). Но грамоты не были отправлены, а Потемкинъ получаетъ рескриптъ: усмирить военною силою мятежъ и возстановить Шагина [6]). Подъ этимъ князь понималъ обстоятельство болѣе важное и значительное, чѣмъ возвращеніе Шагину престола. Виды Потемкина относительно Крыма получили въ то время довольно ясное выраженіе. Въ «меморіалѣ по дѣламъ политическимъ», поданномъ канцлеромъ кн. Бездородко, раздѣляв-

---

[1]) Истор. Рос. Сол., т. 29, стр. 327.
[2]) Сбор. Рус. ист. общ., т. XXVII, стр. 206.
[3]) Рус. Арх., 1867 г., стр. 1200.
[4]) Врем. Общ. ист. и древ., кн. 24, стр. 117—118.
[5]) Ibid., стр. 117.
[6]) Сбор. Рус. ист. общ., т. XXII, стр. 210.

шимъ планы Потемкина, въ концѣ сентября 1780 года, въ числѣ предложеній Россіи, заявленныхъ австрійскому двору, было «пріобрѣтеніе крымскаго полуострова»[1]). Ко второй половинѣ 1782 года, когда Потемкину было поручено ввести войска для усмиренія Крыма, мысль о присоединеніи Крыма яснѣе высказалась въ «наставленіи» императрицы, данномъ Потемкину, въ которомъ она указываетъ, что независимость татаръ въ Крыму ненадежна и что *«надобно помышлять о присвоеніи сего полуострова*[2]). Этого только и ждалъ Потемкинъ.

По полученіи рескрипта, князь приказываетъ де-Бальмену двинуться къ Перекопу, а генерала Самойлова отправляетъ въ Крымъ къ хану. Самойловъ прибылъ въ Керчь и видится съ Шагиномъ[3]). Онъ находитъ его подъ удручающимъ впечатлѣніемъ событій вторичнаго возстанія подданныхъ, избравшихъ себѣ другаго хана, и невозможности держаться на крымскомъ престолѣ безъ помощи русскаго оружія. Ханъ разочаровался въ своихъ ожиданіяхъ и охотно слушалъ Самойлова, краснорѣчиво убѣждавшаго его въ невозможности болѣе править такимъ вѣроломнымъ народомъ, каковы крымцы, среди которыхъ онъ находится въ постоянной опасности за свою жизнь. Шагинъ не могъ не согласиться съ этимъ и былъ очень радъ, когда Самойловъ намекнулъ, что есть страна, гдѣ ханъ можетъ быть счастливымъ, именно Персія, на престолъ которой онъ можетъ быть возведенъ за уступку Россіи Крыма[4]). Въ такомъ настроеніи онъ оставляетъ Керчь и, вмѣстѣ съ Самойловымъ, пріѣзжаетъ въ петровскую крѣпость, гдѣ стояло войско. Здѣсь онъ пишетъ письмо о своемъ критическомъ положеніи и передаетъ его Самойлову для врученія Потемкину, прибывшему къ этому времени въ Херсонъ, чтобы слѣдить оттуда за крымскими событіями[5]). Въ отвѣтъ на полученное письмо, князь лично явился къ хану. Возвратившись, Потемкинъ пишетъ императрицѣ, что слѣдуетъ присоединить Крымъ къ Россіи, не обращая вниманія на то, что ска-

---

[1]) Сборн. Рус. ист. общ., т. XXVI, стр. 385.
[2]) Рус. Арх., 1873 г., стр. 929 („Канц. Безбородко").
[3]) Ibid., 1864 г., стр. 1221.
[4]) Ibid., стр. 1221.
[5]) Ibid.

жутъ другія державы, тѣмъ болѣе, что онъ можетъ быть присоединенъ безъ труда. «Хану пожалуйте, пишетъ Потемкинъ, въ Персіи, что хотите. Вамъ онъ Крымъ поднесетъ нынѣшнюю зиму и жители охотно принесутъ о семъ просьбу [1])». Тѣмъ временемъ Самойловъ, соединившись съ ханомъ. вошелъ въ Крымъ, взялъ Перекопъ и подъ Чонгаромъ встрѣтилъ Алимъ-Гирея съ отрядомъ въ нѣсколько тысячъ татаръ. Ударивъ на мятежниковъ, войско безъ труда разсѣяло толпу и направилось далѣе. Богадырь-Гирей хотѣлъ уйти на Кубань, но былъ настигнутъ гренадерскимъ своднымъ баталіономъ и взятъ въ плѣнъ [2]). Разославъ во всѣ стороны объявленія, призывавшія жителей къ спокойствію и, отрядивъ въ найболѣе опасныя мѣста отдѣльныя команды, Самойловъ, вмѣстѣ съ ханомъ, прибылъ къ Карасубазару и остановился главной квартирой въ 7 верстахъ отъ города въ загородномъ домѣ одного изъ мурзъ, бывшихъ въ числѣ возмутителей [3]). Скоро былъ взятъ въ плѣнъ и Алимъ-Гирей; тогда мятежъ былъ усмиренъ. Послѣ этого Шагинъ началъ расправу съ мятежниками и сталъ ихъ предавать казни. Смерть висѣла даже надъ головой родныхъ его братьевъ, которые были отправлены въ Херсонъ въ ссылку только по ходатайству русской власти. Казни только раздражали озлобленный народъ, который не признавалъ Шагина ханомъ и выражалъ желаніе отдаться навсегда Россіи. Не видя надежды удержаться на престолѣ, Шагинъ въ собраніи въ Карасубазарѣ призвалъ на своихъ подданныхъ судъ Божій и объявилъ, что не хочетъ быть ханомъ такого коварнаго народа [4]).

Пока все это происходило въ Крыму, Потемкинъ получилъ отвѣтъ на свое представленіе о необходимости присоединить Крымъ. Императрица 14 декабря подписала рескриптъ, которымъ она объявила Потемкину «свою волю на присвоеніе крымскаго полуострова и на присоединеніе его къ Россійской Имперіи», съ цѣлью «обратить Крымъ въ замѣну и вознагражденіе восьмилѣтняго безпокойства» [5]).

---

[1]) Русск. Вѣст., 1862 г., 5 к., стр. 35 (ст. Соловьева).
[2]) Врем. Общ. ист. и древ., 24 к., стр. 123.
[3]) Рус. Арх.. 1867 г., стр. 1223—1224.
[4]) Ibid., стр. 1224.
[5]) Сбор. Рус. ист. общ., т. XXII, стр. 221.

24 января 1783 г. Потемкинъ поручаетъ вице-адмиралу Клопачеву собрать всѣ суда и войти въ Ахтіарскую (Севастопольскую) гавань, Суворову и Михаилу Потемкину занять Тамань и Кубанскія земли, а де-Бальмену войти въ Крымъ [1]). Здѣсь де-Бальменъ вступилъ въ переговоры съ татарами, предлагая имъ подать императрицѣ формальную просьбу о принятіи Крыма. Хану же было объявлено, что государыня огорчена его жестокимъ поведеніемъ по отношенію къ подданнымъ, которые пользуются покровительствомъ Россіи, и что въ виду этого сохраненіе его на престолѣ «не составляетъ для государства такого интереса, для котораго Россія обязана находиться всегда въ войнѣ или по крайней мѣрѣ въ распрѣ съ Турціей» [2]). Переговоры съ ханомъ велъ резидентъ Лашкаревъ, получившій для этого надлежащія наставленія. Въ концѣ февраля эти переговоры окончились: ханъ отрекся отъ престола и отдавалъ себя подъ покровительство Россіи. Ему было обѣщано ежегодное жалованье въ 200 т., а потомъ ханство въ Персіи [3]).

Заключительнымъ актомъ всего совершившагося былъ манифестъ Екатерины отъ 8-го апрѣля, возвѣстившій Европѣ, что «полуостровъ крымскій, островъ Тамань и вся кубанская сторона приняты подъ россійскую державу». Потемкинъ выѣхалъ въ Крымъ для принятія новой области и обнародовалъ полученный имъ высочайшій манифестъ о принятіи крымцевъ въ русское подданство. 10 іюля онъ далъ знать, что Крымъ, Тамань, Едисанская и Джамбулукская орды присягнули на вѣрность Россіи.

III*).

Такимъ образомъ въ 1783 г. Крымъ вступилъ на новое поприще исторіи и начиналъ новую жизнь. Какова же была дальнѣйшая судьба отложившагося хана?

---

[1]) „Ордера кн. Потемкина“ въ Зап. Од. Общ. ист. и древ., т. XII, стр. 259.

[2]) Сбор. Рус. ист. общ., т. XXVII, стр. 232.

[3]) Ibid., т. XXVIII, стр. 240.

*) При составленіи этой главы, кромѣ сырого матеріала, обнародованнаго въ XIII т. Зап. Од. Общ. ист. и древ., мы воспользовались однимъ дѣломъ за 1786 г., хранящимся въ губернскомъ архивѣ г. Симферополя; это такъ наз. „дѣло о ханской свитѣ“, на которое ниже дѣлаются ссылки.

Съ отреченіемъ отъ престола, Шагинъ сошелъ въ рядъ обыкновенныхъ смертныхъ и въ своей дальнѣйшей судьбѣ могъ положиться на милость Екатерины, которая обѣщала ему свое покровительство. Бывшему хану предложено сначала ѣхать въ Херсонъ. Тамъ предполагалось указать ему дальнѣйшее мѣстопребываніе, на ассигнованное жалованье, въ одномъ изъ центральныхъ городовъ. Получивъ это извѣстіе, ханъ сталъ собираться въ дорогу и къ 23 мая ханскій обозъ, заключавшій въ себѣ имущество, гаремъ и свиту, готовъ былъ уже тронуться въ путь. Но тутъ ханъ измѣнилъ свое намѣреніе и вмѣсто того, чтобы направить обозъ въ Херсонъ, приказалъ свитѣ ѣхать съ обозомъ въ Азовъ, а оттуда на Ею [1]). Самъ онъ не выѣхалъ и медлилъ рѣшеніемъ. Наконецъ онъ объявляетъ резиденту Лашкареву, что желаетъ ѣхать въ Тамань и проситъ дать знать объ этомъ князю, а самъ собирается ѣхать. Пока прибылъ Потемкинъ, ханъ былъ уже въ пути и направлялся въ Тамань, гдѣ расположился съ своей свитой, гаремомъ и имуществомъ [2]).

Неизвѣстность положенія или другія какія либо причины заставляютъ хана послать изъ Тамани въ Петербургъ съ нѣкоторыми донесеніями императрицѣ одного изъ офицеровъ, приставленныхъ къ нему—капитана Тугаринова. Когда узналъ объ этомъ Потемкинъ, то приказалъ немедленно вернуть посланнаго Тугаринова обратно и далъ знать хану, что онъ не имѣетъ права распоряжаться приставленными къ нему офицерами безъ разрѣшенія военнаго начальства [3]). Между тѣмъ пребываніе Шагина въ Тамани возбудило умы обитавшихъ тамъ ногайцевъ; произошло смятеніе, которое наконецъ было подавлено вооруженной рукой Суворова [4]). За ханомъ начали внимательно слѣдить; генералу Суворову былъ порученъ надзоръ за его поведеніемъ и приказано не допускать его сноситься съ ногайцами. Не смотря на принятыя мѣры, Шагинъ однако велъ тайные переговоры съ мятежниками, посылалъ имъ письма и даже имѣлъ свиданіе съ депутатами—мур-

---

[1]) Зап. Одес. Общ. ист. и древ., т. XII, стр. 262.
[2]) Ibid., стр. 369.
[3]) Ibid., стр. 271.
[4]) Ibid., стр. 279.

зами, посланными съ неизвѣстными порученіями отъ ногайцевъ [1]). О такомъ поведеніи хана дано было знать Потемкину. Тогда послѣдній потребовалъ отъ него немедленнаго удаленія изъ Тамани. Шагинъ медлилъ и въ продолженіе цѣлаго мѣсяца оставался на мѣстѣ. Потемкинъ далъ знать въ Петербургъ, послѣ чего получилъ отъ императрицы письмо къ хану. Въ немъ Екатерина указывала бывшему хану городъ Воронежъ для пребыванія и повторяла, что на содержаніе его тамъ будетъ отпускаться 200 т. ежегодно. Кромѣ того, на путевыя издержки туда ассигновалось 20 тысячъ, которыя должны быть выданы на руки капитану Гельфрейху, назначенному сопровождать хана [2]). Въ отвѣтъ на это письмо ханъ вошелъ «въ разныя нескладныя изъясненія» [3]). Тогда Потемкинъ посылаетъ на Тамань Игельстрома, смѣнившаго въ начальствованіи надъ войсками въ Крыму генерала де-Бальмена, поручивъ объявить бывшему хану высочайшее повелѣніе немедленно оставить Тамань и избрать для мѣстожительства одинъ изъ слѣдующихъ городовъ: Воронежъ, Орелъ или Калугу, при чемъ обнадежить его аккуратнымъ полученіемъ обѣщаннаго жалованья; въ случаѣ же упорства объявить, что дальнѣйшее его пребываніе въ новоприсоединенной области не можетъ быть допущено, и съ этою цѣлью препроводить его подъ стражей въ одинъ изъ указанныхъ городовъ, возложивъ исполненіе этого дѣла на генералъ-поручика Павла Потемкина [4]). Посылка Игельстрома оказала свое дѣйствіе: 15 мая 1784 г. Шагинъ-Гирей, оставивъ на Тамани свиту, состоявшую почти изъ 2000 человѣкъ, гаремъ и имущество, отправился, въ сопровожденіи нѣкоторыхъ приближенныхъ лицъ, на фрегатѣ «св. Николай» въ Таганрогъ [5]). Оттуда, конвоируемый атаманомъ Иловайскимъ, онъ поѣхалъ въ Воронежъ.

Въ Воронежѣ хану жилось хорошо: онъ былъ окруженъ вниманіемъ и не ощущалъ недостатка ни въ чемъ. Можетъ быть, подъ вліяніемъ этой безмятежной жизни, Шагинъ отказался отъ

---

[1]) Ibid., стр. 282.
[2]) Ibid., стр. 289 и 290.
[3]) Ibid., стр. 297.
[4]) Ibid., стр. 297—299.
[5]) Ibid., стр. 301.

мысли выступить снова въ роли искателя власти и пересталъ домогаться престола въ Персіи.

Да не о ханствѣ думали и въ Петербургѣ. 24 сентября 1784 г. кіевскому губернатору Черткову былъ посланъ высочайшій указъ о томъ, что бывшій крымскій ханъ имѣетъ слѣдовать въ Кіевъ, откуда Чертковъ долженъ былъ озаботиться препровожденіемъ его въ турецкія владѣнія [1]). Потемкинъ объявилъ объ этомъ Шагину, который написалъ въ Петербургъ письмо о дозволеніи ѣхать и сталъ ожидать дальнѣйшихъ распоряженій. Весь конецъ 1784 года и весь слѣдующій годъ ханъ провелъ въ ожиданіи. Наконецъ въ концѣ 1785 г. было дано знать, что онъ переводится въ Калугу. 17 января новаго года Шагинъ выѣхалъ туда, въ сопровожденіи находившагося при немъ Лашкарева, отправивъ впередъ свою небольшую свиту, въ которой состояли Терзи-Измаилъ-Эфенди, двое муллъ, капитанъ-ага ханскаго корабля и съ ними 20 человѣкъ нижнихъ служителей. На пути оказывали ему особую честь: приказано было выставлять подъ его проѣздъ до ста подводъ, исправникамъ и городничимъ—встрѣчать и провожать, а также отводить удобныя помѣщенія [2]). 11 января ханскій обозъ былъ уже въ Богородицкѣ, чрезъ пять дней прибылъ туда самъ Шагинъ. Между прочимъ ханъ останавливался здѣсь на ночлегъ у Болотова, сохранившаго о переводѣ хана въ Калугу любопытнѣйшія записки и оставившаго намъ изображеніе хана [3]). На другой день ханъ выѣхалъ чрезъ Тулу въ Калугу.

Въ Калугѣ Шагинъ поселился въ отведенномъ для него загородномъ домѣ, гдѣ жилъ весьма уединенно, раздѣляя время съ Лашкаревымъ, къ которому питалъ особенное расположеніе.

Но не могъ бывшій ханъ оставаться покойнымъ: съ первыхъ же дней его пребыванія здѣсь начались недоразумѣнія, которыя сильно его разстраивали. Современники указывали на кн. Потемкина,

---

[1]) Зап. Одес. Общ. ист. и древ., т. XIII, стр. 141.

[2]) „Записки Болотова“ въ Рус. Стар., 1875 г., стр. 76—77.

[3]) „Я имѣлъ довольно времени разсматривать черты лица его и замѣтить столь сильно въ своей памяти, что, по отъѣздѣ его, въ состояніи былъ заочно нарисовать одними красками портретъ столь на него похожій, что всѣ татары, заѣзжавшіе послѣ его ко мнѣ, тотчасъ узнавали, что это портретъ ихъ хана“. Записки Болотова, стр. 82, Рус. Ст., 1875 г., кн. I.

который будто-бы «не допустилъ хана спокойно окончить свою жизнь». Болотовъ такъ объясняетъ это: «Потемкинъ за что-то не любилъ хана и всячески старался не допустить его до двора императрицы, чего онъ съ великою ревностью добивался [1]). Другой современникъ, англійскій дипломатъ при русскомъ дворѣ, лордъ Мальмесбюри въ своемъ письмѣ къ лорду Грантаму передаетъ слѣдующій отзывъ, сдѣланный въ 1782 г. кн. Потемкинымъ о Шагинѣ: «это человѣкъ бездарный и смѣшной, имѣющій претензію быть подражателемъ Петра Великаго» [2]). По прибытіи хана въ Калугу, выѣхалъ въ Петербургъ одинъ изъ бывшихъ при немъ приставовъ—Хрущовъ. Шагинъ передалъ ему письмо къ канцлеру Бездородку, съ которымъ, по собственному своему признанію, хотѣлъ завести дружбу и въ знакъ этой дружбы сдѣлать, по принятому на востокѣ обычаю, подарокъ. Онъ просилъ Хрущова написать изъ Петербурга, позволитъ ли государыня имѣть канцлеру пріязнь съ нимъ. прибавляя, что, по увѣдомленіи, онъ вышлетъ перстень для подарка. Хрущовъ три раза писалъ о высылкѣ перстня. Послѣ третьяго письма Шагинъ выслалъ; но перстень не былъ врученъ и былъ отобранъ. Калужскій губернаторъ Кречетниковъ, прибывшій въ то время въ Петербургъ, привезъ его обратно и возвратилъ хану, при чемъ заявилъ, что ея императорское величество весьма сожалѣетъ о таковомъ поступкѣ. «Удивленіе хана, а паче прискорбіе въ семъ случаѣ, доноситъ Кречетниковъ Потемкину, было чрезвычайно» [3]). Въ поданномъ вслѣдъ за этимъ губернатору формальномъ отзывѣ ханъ жаловался, что его безпокоятъ напрасными обвиненіями, будто-бы чрезъ Хрущова онъ хотѣлъ подкупить перстнемъ графа Бездородка, дабы исходатайствовать себѣ прибытіе въ Петербургъ. «Я уже издавна знаю, писалъ ханъ, что россійское министерство никто не въ состояніи подкупить, кольми паче такого состоянія человѣкъ, въ коемъ я нынѣ, да сверхъ того и не имѣю никакой нужды, понеже я въ прошломъ году получилъ повелѣніе, что могу ѣхать въ Турцію, на которое я письмомъ къ ея величеству отвѣчалъ и по днесь нахожусь въ ожиданіи повелѣнія по человѣколюбію предпріять путь по

---

[1]) Ibid., стр. 76.

[2]) Русскій Архивъ, 1874 г., к. 2 („Записки лорда Мальмесбюри"), стр. 867.

[3]) Зап. Одес. Общ. ист. и древ., т. XIII, стр. 132—135.

желанію моему. Я не зналъ, что ея величеству не угодно, чтобы я имѣлъ дружбу съ ея министромъ, а мое желаніе было всегда оную имѣть да и вновь пріобрѣтать, то я безъ всякаго зазрѣнія явно говорилъ, что желаю познакомиться съ графомъ Безбородко и по нашему азіатскому обычаю сдѣлать дружескій подарокъ»[1]). Шагинъ просилъ Кречетникова представить это объясненіе государынѣ. Этимъ, кажется, и окончилась исторія съ перстнемъ.

Но потомъ начались недоразумѣнія покрупнѣе. Оставшіеся на Тамани приближенные Шагина безпокоились его участью и неполученіемъ отъ него извѣстій. 7-го марта 1786 года братъ Шагина Арсланъ пишетъ ему письмо и спрашиваетъ, «какой конецъ послѣдуетъ дѣламъ его» и получилъ-ли онъ то письмо, которое было отправлено ему чрезъ одного изъ кабардинскихъ князей. Упрекая Шагина въ равнодушіи къ своимъ, онъ говоритъ, что всѣ выѣхавшіе съ нимъ на Тамань «не уповаютъ получить отъ него никакой помощи, да и по посредству его подъ покровительствомъ Россіи остаться опасаются». «Вспомни Бога! заключаетъ Арсланъ, откройнамъ истинный конецъ свой, и если вы удалитесь отъ всѣхъ свѣтскихъ предпріятій, то дайте намъ объ этомъ знать, дабы и мы о пропитаніи самихъ себя возможныя мѣры приняли»[2]).

Переписка эта показалась настолько подозрительной, что признано было нужнымъ усилить мѣры предосторожности. Еще 13 января 1786 года Потемкинъ писалъ правителю таврической области Каховскому: «одобряя предосторожность вашу въ разсужденіи безпорядковъ, могущихъ произойти отъ писемъ, посылаемыхъ крымскимъ ханомъ Шагинъ-Гиреемъ, который требуетъ къ себѣ нѣкоторыя состоящія въ области таврической имущества, давно уже въ казенное вѣдомство взятыя, рекомендую употребить съ своей стороны мѣры къ недопущенію впредь оныхъ въ Тавриду, а между тѣмъ объявить бахчисарайскому еврею Веніамину, чтобы онъ по порученіямъ хана не осмѣливался требовать вещей, состоящихъ въ казенномъ вѣдомствѣ и брать на себя подобныя комиссіи»[3]). Каховскій велѣлъ пограничнымъ комендантамъ, находившимся въ Енпкале, Перекопѣ

---

[1]) Ibid., стр. 134.

[2]) Ibid., стр. 135.

[3]) „Ордеръ Каховскому“ за № 6, 13 января 1786 г. (Изъ дѣла „о ханской витѣ“).

и Арбатѣ останавливать людей, которые будутъ слѣдовать изъ Калуги въ Крымъ или Таманъ съ порученіями отъ хана и если при нихъ окажутся письма, то таковыя отбирать [1]). Скоро послѣ этого бригадиръ Ѳонъ, занимавшій перекопскую линію, задержалъ слѣдовавшаго изъ Калуги на Таманъ съ письмами отъ хана и его свиты Кугаса и нашелъ при немъ до 38 писемъ, изъ которыхъ 30 писемъ были написаны на татарскомъ языкѣ и 8 на русскомъ. Ѳонъ арестовалъ Кугаса и препроводилъ его въ Симферополь къ Каховскому, отправивъ съ нимъ и отобранныя письма [2]).

Тогда Потемкинъ посылаетъ Каховскому 23-го апрѣля слѣдующій ордеръ: «по извѣстіямъ, что оставшаяся послѣ бывшаго крымскаго хана Шагинъ-Гирея свита имѣетъ доселѣ пребываніе свое на островѣ Тамани безъ вступленія въ подданство ея императорскаго величества, предписываю объявить всей той свитѣ высочайшее ея императорскаго величества повелѣніе, чтобы они сами приняли присягу въ вѣрности подданства ея величества, или-же, немедленно оставя всероссійскую область, удалились за границу» [3]).

Пока въ Калугѣ Кречетниковъ просилъ Потемкина «о произвожденіи Шагину пенсіона въ четыре срока въ году», указывая на то, что полученіе имъ пансіона въ два срока заставляетъ его нуждаться въ деньгахъ, которыя онъ «сыскиваетъ крайними процентами и огорченіями» [4]), въ Крыму Каховскій взялся за исполненіе распоряженія Потемкина относительно свиты. 27-го мая онъ выѣхалъ на Таманъ предложить ханской свитѣ или принять подданство Россіи, или выселиться въ Турцію. 1-го іюня онъ былъ уже на Тамани и имѣлъ разговоръ съ начальникомъ ханской свиты Ислямъ-беемъ. На предложеніе принять русское подданство послѣдній отвѣчалъ: «присягу я учинилъ Шагинъ-Гирею и далъ ему клятвенное слово во всю жизнь быть ему подвластнымъ; если Шагинъ позволитъ, то я согласенъ, но предварительно надо спросить хана» [5]). Каховскій далъ ему срокъ подумать до вечера и въ тоже

---

[1]) „Ордера секундъ-маіору Розенбергу, бригадиру Ѳону и Арабатскому коменданту Каховскому", 7 февраля 1786 г. (Изъ дѣла о ханск. свитѣ).

[2]) Донесеніе брегадира Ѳона.

[3]) „Ордеръ Каховскому" за № 153 отъ 23 апрѣля 1766 г. (Изъ дѣла о ханской свитѣ).

[4]) Зап. Одес. Общ., ист. и древ., т. XIII, стр. 137.

[5]) „Рапортъ къ Потемкину" отъ 8 іюля (Дѣло о ханской свитѣ).

время велѣлъ ему переписать всю свиту. Ислямъ-бей явился вечеромъ, принесъ списокъ ханской свиты, но рѣшительно отказался отъ принятія подданства. Тогда ему было объявлено явиться на другой день въ мечеть со всѣми мурзами, числящимися въ свитѣ. Призванные мурзы явились; пришелъ и начальникъ ханскаго гарема, султанъ Али-ага. Каждому изъ нихъ порознь Каховскій представлялъ выгоды вступленія въ русское подданство, убѣждая не опасаться гнѣва и мести Шагина. Всѣ они твердили, что ханъ приказалъ дожидаться его возвращенія, вслѣдствіе чего безъ его позволенія не смѣютъ вступить въ подданство [1]). Одинъ только Али-ага просилъ отсрочки, чтобы посовѣтоваться съ ханскими женами и потомъ объявить окончательное рѣшеніе. Отпустивъ затѣмъ собранныхъ, Каховскій ѣздилъ въ ногайскіе аулы, расположенные за городомъ съ тѣмъ-же предложеніемъ; но ногайцы тоже отказались. Между тѣмъ вернулся Али-ага и заявилъ Каховскому, что ханскія жены рѣшили ѣхать въ Румелію, а потому и самъ онъ отправляется съ ними. Убѣдившись въ безполезности переговоровъ, Каховскій приказалъ свитѣ выѣхать за Кубань—въ Турцію, а начальникамъ свиты выѣхать только послѣ того, какъ они перепишутъ все имущество хана и сдадутъ его по описи на храненіе командированнымъ для этой цѣли коллежскому ассесору Караценову и переводчику Ибрагимовичу [2]). Ногайскіе аулы подъ конвоемъ прибывшаго военнаго отряда начали переправляться за Кубань; къ отъѣзду готовы были и мурзы. Въ это время генералъ-маіоръ Розенбергъ, находившійся тамъ-же на Тамани, приводитъ къ Каховскому султана Али-агу. Послѣдній объявляетъ, что ханскія жены ни подъ какимъ предлогомъ не хотятъ ѣхать за границу, что онѣ рѣшили дожидаться возвращенія Шагина изъ Россіи и потому приказали ему принять присягу на вѣрноподданство. Не довѣряя словамъ Али-аги, Каховскій посылаетъ Караценова и Ибрагимовича узнать отъ самихъ ханшей принятое ими рѣшеніе. Онѣ подтвердили, что безъ ханской воли не смѣютъ никуда ѣхать и потому просятъ принять въ русское подданство начальника ихъ Али-агу [3]).

---

[1]) „Рапортъ къ Потемкину“ 8 іюля (Дѣло о ханск. свитѣ).

[2]) Ibid.

[3]) Ibid.

Послѣ этого было сдѣлано распоряженіе о приводѣ къ присягѣ Али-аги и остальныхъ людей, находившихся при немъ. 4-го іюня 187 человѣкъ ханской свиты и съ ними султанъ Али-ага принесли присягу на вѣрность россійскаго подданства, послѣ чего присягнувшимъ было позволено остаться на мѣстѣ, а султану Али-агѣ поручили кромѣ того надзоръ и храненіе ханскаго имущества, заключавшагося въ табунѣ изъ 71-й лошади, въ конской сбруѣ, охотничьихъ принадлежностяхъ и т. д. [1]).

Тѣмъ временемъ Ислямъ-бей и съ нимъ 29 крымскихъ и ногайскихъ мурзъ съ 1,205 служителями переправлялись за Кубань подъ конвоемъ Караценова. 7-го іюня выселившаяся свита находилась уже на кубанской сторонѣ и расположилась близъ Анапы; но анапскій паша потребовалъ отъ Ислямъ-бея за пропускъ 1,500 р. Послѣдній отказалъ. Тогда паша велѣлъ взять Ислямъ-бея подъ стражу и посадить его на трехмачтовое судно, а въ Константинополь послалъ о происходившемъ на Кубани извѣстіе, для полученія необходимымъ указаній. Въ это время начальникъ сосѣдняго ногайскаго аула Оглу-Джанъ-Орсланъ, узнавъ о поступкѣ паши, объявилъ ханскую свиту подъ своимъ покровительствомъ и съ нѣсколькими ногайцами отправился въ Анапу, гдѣ потребовалъ освобожденія Ислямъ-бея, угрожая въ противномъ случаѣ оружіемъ. Паша послалъ въ горы къ абазинцамъ за помощью. На его приглашеніе явилось болѣе 200 человѣкъ, съ которыми онъ и укрѣпился. Джанъ-Орсланъ осадилъ крѣпость. Тогда анапскіе жители стали просить освободить Ислямъ-бея; паша уступилъ и Ислямъ-бей получилъ свободу [2]).

Что-же дѣлалъ въ это время Шагинъ? По выраженію Кречетникова, онъ сталъ «примѣтно неспокоенъ». Сначала у него отняли Лашкарева. Шагинъ жаловался, что ему не съ кѣмъ теперь дѣлить время, такъ какъ одинъ Лашкаревъ изъ числа русскихъ приставовъ знаетъ татарскій языкъ [3]). Но въ особенности оскорбился Шагинъ арестомъ Кугаса и посланныхъ на Тамань писемъ. Наконецъ, когда до него дошло извѣстіе о происшедшемъ на Кубани,

---

[1]) Зап. Одес. общ. ист. и древ., т. XIII, стр. 140.

[2]) Рапортъ Каховскому.

[3]) Зап. Од. Общ. ист. и древ., т. XIII, стр. 137.

Шагинъ сталъ усиленно проситься въ Турцію. 4-го августа Кречетниковъ извѣщаетъ Потемкина, что Шагинъ послалъ ему копію съ высочайшаго указа, даннаго 24 сентября 1784 г. генералу Черткову о доставленіи его чрезъ Кіевъ въ турецкія владѣнія, и просилъ объ исполненіи этого указа. На замѣчаніе Кречетникова, что указъ относится къ Черткову, Шагинъ просилъ донести императрицѣ о его желаніи оставить Россію и ѣхать въ Турцію [1]). Просьба его была исполнена: приблизительно чрезъ мѣсяцъ пришло разрѣшеніе на выѣздъ. 11-го сентября Кречетниковъ уже спрашиваетъ Потемкина, какъ доставить Шагина, представляя на его разрѣшеніе слѣдующія два обстоятельства: 1) что ханъ задолжалъ болѣе 130 т. разнымъ лицамъ и теперь разсчитываетъ уплотить долги по взысканіи съ купца Хохлова, оставшагося ему должнымъ за содержаніе откупа соляныхъ доходовъ и таможенныхъ пошлинъ, и 2) что ханъ медлитъ, ожидая отвѣта изъ Константинополя съ разрѣшеніемъ ему выѣзда въ Турцію [2]). Велѣно было торопить хана. 14 сентября въ Крымъ было послано Каховскому требованіе отпустить въ Кіевъ ханскій обозъ, а гаремъ препроводить на ханскомъ суднѣ въ Турцію [3]). Для этой цѣли на Тамань были отправлены изъ Калуги Крымъ-Гирей и офицеръ Крейсъ. Туда-же изъ Симферополя отправляется Караценовъ сдать по описи прибывшимъ имущество. Кромѣ того Караценову было поручено убѣдить нѣкоторыхъ изъ свиты не ѣхать въ Турцію, въ случаѣ-же неудачи—отпустить свиту не иначе, какъ выдавъ имъ русскіе паспорты [4]). Прибывъ на Тамань, Караценовъ собралъ свиту и говорилъ ей, что правитель таврической области, снисходя къ ея нуждамъ, позволяетъ каждому избрать опредѣленное положеніе, съ условіемъ остаться въ Крыму, или на Тамани и обѣщалъ необходимое вспомоществованіе, а кто пожелаетъ ѣхать за ханомъ, то будетъ отпущенъ не иначе, какъ съ срочнымъ русскимъ паспортомъ. Въ отвѣтъ на сдѣланное предложеніе Крымъ-Гирей просилъ Караценова спросить татаръ: «на какомъ основаніи они

---

[1]) Ibid., стр. 141.
[2]) Ibid., стр. 144.
[3]) „Отношеніе Протасова къ Каховскому“ отъ 14 сентября.
[4]) Рапортъ Каховскаго Потемкину.

раньше учинили присягу?» «Нужды никакой не имѣю, былъ отвѣтъ послѣдняго, ибо совершенно знаю, да и сами татары знаютъ, что присягали на вѣрность подданства всероссійской державы! Пусть лучше всякъ скажетъ: кто намѣренъ ѣхать и кто остается». Выступили «лучшіе», по выраженію Караценова, татары и чистосердечно признались, что хотятъ служить своему господину-хану; остальные молчали. Крымъ-Гирей снова заговорилъ и заявилъ, что ханъ считаетъ людей свиты своими подданными, такъ какъ, по увѣренію ѣздившаго на Тамань Кугаса, свита принесла присягу на вѣрность, а не на подданство. Султанъ Али-ага подтвердилъ, что дѣйствительно онъ самъ присягалъ только на вѣрность, а не на подданство. Только послѣ серьезныхъ доводовъ Караценовъ изобличилъ неправду. Все таки переговоры не привели къ желаннымъ результатамъ. Караценову ничего не оставалось дѣлать, какъ приготовить свитѣ паспорты и отпустить обозъ. 12 октября Кугасъ принялъ обозъ съ ханскимъ имуществомъ и выѣхалъ изъ Тамани въ Крымъ. Вслѣдъ за этимъ прибыли въ Керчь ханскія судна, взяли гаремъ и остальныхъ людей въ числѣ 117 душъ обоего пола, въ томъ числѣ и дѣтей, и 21 октября вышли въ море. Дурная погода занесла экипажъ въ балаклавскую бухту; простоявъ тамъ четыре дня, суда продолжали путь въ Турцію. Что касается обоза, слѣдовавшаго сухимъ путемъ, то, прибывъ къ Перекопу, Кугасъ просилъ позволенія перезимовать тамъ, но получилъ отказъ и выѣхалъ въ Кіевъ, гдѣ долженъ былъ соединиться съ ханомъ [1]).

Дѣйствительно ханъ находился уже въ дорогѣ. 5-го декабря, когда Кречетниковъ, узнавъ, что хотинскій паша не пропуститъ Шагина чрезъ границу безъ султанскаго разрѣшенія, спрашивалъ Потемкина, какъ поступить ему съ ханомъ и просилъ во всякомъ случаѣ избавить его отъ такого гостя, въ этотъ самый день Шагинъ былъ уже въ Бердичевѣ [2]), а 9 декабря продолжалъ путь къ Каменцу. Чрезъ недѣлю съ лишнимъ онъ былъ уже на границѣ, гдѣ не подалеку отъ Каменца въ $1^1/_2$ в. остановился въ деревнѣ Длужѣ въ ожиданіи возвращенія посланнаго въ Константинополь за разрѣшеніемъ ѣхать въ Турцію [3]). Въ тре-

[1]) Изъ дѣла о „ханской свитѣ". Донесеніе Караценова.

[2]) Зап. Од. Общ. ист. и древ., т. XIII, стр. 149.

[3]) Ibid.

вожномъ ожиданіи отвѣта ханъ провелъ болѣе мѣсяца. Сопровождавшій его приставъ Вельяминовъ писалъ Кречетникову, что ханъ сомнѣвается въ благопріятномъ отвѣтѣ, вслѣдствіе чего и говоритъ, «что удержится выѣзжать въ турецкую область». Кречетниковъ отвѣтилъ, что если Порта не приметъ хана, то внушить ему ѣхать въ Хотинъ и тамъ остаться «подъ претекстомъ поправленія своего здоровья, гдѣ можетъ начать переписку и требованія, какія ему заблагоразсудятся». Приставъ писалъ кромѣ того, что отпущенныя хану по 16 число декабря деньги уже израсходованы. Кречетниковъ выхлопоталъ ему содержаніе еще на одинъ мѣсяцъ, но объявилъ, что, въ силу высочайшаго повелѣнія, выдача пенсіона прекращается со вступленіемъ его за турецкую границу.

Наконецъ 24 января возвратился давно ожидаемый Сеитъ-Ахметъ-Эфенди и привезъ хану письмо отъ визиря, который съ радостью объявлялъ султанское разрѣшеніе на пріѣздъ Шагина въ Турцію. Визирь писалъ: «для принятія по древнимъ нашимъ обычаямъ вашу свѣтлость и оказанія почестей со вступленія на границу и препровожденія отъ Хотина къ Бухаресту, а оттоль чрезъ Ергокъ прямо къ Адріанополю опредѣленъ приставомъ Измаилъ-ага, а особливо, какъ вы почтенный и пріятный его султанскаго величества гость, для спокойствія и доставленія въ пути разныхъ выгодъ и всего того, что вашей свѣтлости будетъ угодно» [1]).

27 января 1787 года бывшій крымскій ханъ Шагинъ-Гирей оставилъ Россію; Вельяминовъ, сдавъ хана Измаилъ-агѣ, вернулся въ Россію.

Почтенному гостю султанскаго величества назначили для жительства Чифтилинъ въ Румеліи. Нашъ посолъ въ Турціи Булгаковъ, сообщая о семъ Каховскому, прибавлялъ: «не знаю истинной причины перехода сюда Шагина, но онъ самъ просился и раскается тысячу разъ о сей глупости» [2]). Дѣйствительно Шагинъ испыталъ участь сверженныхъ хановъ: онъ погибъ, по повелѣнію столь любезно ожидавшаго его султана, насильственною смертью на островѣ Родосѣ [3]).

---

[1]) Зап. Од. Общ. ист. и древн., т. XIII, стр. 153.

[2]) Изъ дѣла 1787 г. хранящагося въ губернскомъ архивѣ г. Симферополя: „Сообщенія чрезвычайнаго посла при турецкомъ дворѣ г. Булгакова".

[3]) Истор. царства Херс. тавр., Сестренцевича, т. 2, стр, 383.

Дозволено цензурою. Кіевъ 21 августа 1886 года.

2007110144